

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
ЧЕГО ЖЕЛАЮТ БОГИ

Литрес

Юлия Цыпленкова
Солнечный луч.
Чего желают боги
Серия «Солнечный луч», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69332362
SelfPub; 2023*

Аннотация

Что такое счастье? Это солнечный свет в душе. Его лучи сияют так ярко, что пробиваются наружу, и любой может увидеть их отсветы. А еще это чистое голубое небо, где птицей парит имя возлюбленного, успевшее сорваться с уст. И кажется, что ничто не способно уничтожить восхитительного чувства... Но когда вдруг чистый небосклон начинают затягивать тучи, это становится ударом. Слабый дрогнет, сильный встретит невзгоды грудью. Каан Зеленых земель и его жена сильны, но и испытания им выпали нелегкие. Враги есть за границами тагана и внутри их. И чтобы вновь засияло солнце, нужно понять – чего же от людей желают боги?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	59
Глава 4	93
Глава 5	122
Глава 6	152
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч.

Чего желают боги

Глава 1

Рассветной грезой нега тает.
Познав объятий сладкий плен,
От счастья сердце замирает,
И вздох, что полнит грудь, блажен.

Огонь угас, но тлеют угли,
И сил их раздуть уж нет.
Уста пылали, души льнули,
Даря свой негасимый свет.

Испита чаша страсти жаркой,
Что была полной до краев.
Звездой в ночи промчались яркой,
Познав великую любовь...

– Что это?

Приподнявшись на локте, я посмотрела на моего каана и залюбовалась. Он был прекрасен! Прекрасен, восхитителен, невероятен... и мой. Весь, без остатка. Растрепанный, с губами, припухшими после бесконечных поцелуев, беззащитный в своей наготе, но безумно сильный, неукротимый и притягательный. Мой взгляд остановился на синих глазах, еще затянутых поволокой угасающей страсти, и сердце сжалось от щемящего чувства бесконечного счастья, затопившего всё мое существо.

Как же много мне хотелось сказать в эту минуту, и насколько оказались бедны все знакомые мне языки, потому что нужных слов, чтобы передать свои чувства, я так и не нашла. И всё, что сорвалось с моих уст, – это короткое, но искреннее:

– Я так сильно тебя люблю...

Танияр поднял руку, зарылся пальцами мне в волосы на виске и притянул к себе. Наши губы встретились, и я оказалась вновь лежащей на спине. Его губы в неспешном танце скользили по моему лицу, целуя не требовательно, но с нежностью, от которой трепетало мое сердце. И в это мгновение было понятно, что слова не нужны, они ничто, потому что всю силу чувств можно передать лишь так, не нарушая тишину признаниями. И все-таки он произнес, отстранившись:

– Я так долго ждал тебя.

– А я так долго к тебе шла, – ответила я, лаская взглядом лицо своего супруга.

Супруг... Восхитительнейшее слово! Сильное, строгое и основательное, как человек, которому оно принадлежало. Моим супругом должен был стать именно тот, какого я встретила в мире Белого Духа. Только так, и никак иначе. Может, это было всего лишь слепой верой сердца, но и разум не омрачал моей радости и не спешил отравить сомнениями. Я любила всецело, без остатка и сомнений, и была любима так же в ответ. И это тоже было восхитительно.

Всё было восхитительно! Ночь, проведенная посреди священных земель, где наше единение видели только звезды. Утро, заставшее нас уставшими и пресыщенными, но так и не насытившимися друг другом. Мужчина, сжимавший меня в объятиях. Наши чувства и наши мысли. Вчерашний день, сегодняшний, завтрашний... Какими бы они ни были, но мы встретим их, идя рука об руку, плечом к плечу, сердцем к сердцу. Да и как может быть иначе, если нас соединил сам Белый Дух?

– Хвала Отцу, – улыбнулась я, продолжая глядеть на Танияра.

– Хвала, – ответил он и снова устроился рядом. – Так что ты говорила?

Не сразу сообразив, о чем он спрашивает, я на миг задумалась, а после усмехнулась:

– Это стихотворение. Когда слова складывают в рифму.

– В рифму?

– Рифма, да. – Сложив руки на его груди, я уместила свер-

ху подбородок. – Например, кровь – любовь, завет – рассвет. Я не поэт... не умею сочинять стихи. А это стихотворение вдруг всплыло в памяти. Оно подошло к моменту, и я прочитала его, поддавшись порыву.

– О чем это стих... стихото...

– Стихотворение.

– Да, – кивнул каан. – О чем оно?

– О нас, – чуть подумав, улыбнулась я. – Сейчас переведу...

– Нет, – он накрыл мои губы кончиками пальцев и отрицательно покачал головой. – Не надо. Я хочу понять его так, на твоём языке.

– Тогда я снова прочитаю его, когда ты будешь знать мой язык лучше, – я не стала спорить, и Танияр улыбнулся.

Умиротворенно вздохнув, я еще с минуту любовалась на своего супруга, а после удобно устроилась на его плече и прикрыла глаза. На душе было столь хорошо и покойно, что казалось, будто это прекрасный сон и просыпаться было бы настоящим кошунством. На моих губах застыла легкая полуулыбка, и ничто в мире не могло нарушить того чудесного состояния души, в котором я плавала, будто в облаке. Тело стало воздушным и бесплотным, уподобившись теплему ветерку, ласкавшему обнаженную кожу, словно нежные руки любящего мужчины. Обоняние заполнил хорошо знакомый аромат бескрайних священных земель, и нега, разлившаяся по телу, всё более поглощала сознание. И вскоре дремота за-

владела мной, и я отправилась в край волшебных видений...

Впрочем, вам, должно быть, интересно, как же мы с моим супругом оказались там, где обитали Белый Дух да его верная служительница – шаманка Ашит? Всё очень просто – это была наша свадьба. Да-да, именно так. Хмельной пир, громкие песни и шумное веселье предназначались для других. Это они праздновали рождение нового союза мужчины и женщины, а жених и невеста оставались вне гульбища. Таинство единения на то и таинство, чтобы быть скрытым от любопытных глаз. Но это после. А прежде...

Прежде был ритуал встречи жениха и невесты. Состоялся он, разумеется, в доме Танияра, потому что собирать всех, кто участвовал в нем у моей матери, было далеко и неудобно, по большей степени самой Ашит. Потому она сама пришла накануне, чтобы соблюсти все приличия, все-таки замуж выходил не кто-нибудь, а ее дочь. Что до каана, то он остался на ночь на подворье ягиров, где проходил другой ритуал.

Жениха тоже готовили к семейной жизни, и звуки этой подготовки время от времени долетали до нас, особенно ночью, когда разудалое воинство отправилось на поляну за стенами Ирэтэна. Суть этого ритуала состояла в том, что жених должен был доказать отцу и родне невесты, что сможет защитить свой дом и свою семью, что станет добытчиком, а еще может быть заботливым для своей жены и детей. В общем, это были мужские развлечения, в которых участвовали и женщины, правда, только ягиры.

Почему воины взялись экзаменовать своего каана, спросите вы, а я отвечу. Всё просто. У меня не было отца в мире Белого Духа, и им для соблюдения порядка назвался второй человек после Танияра – Эгчен, тот самый воин, который мог замещать алдара в его отсутствие, а значит, роль остальной моей родни досталась тоже ягирам, и этот шанс погонять своего предводителя они восприняли с энтузиазмом. Громкий хохот, топот саулов, звон металла и блеяние ошалевших мгизов, которых тоже притащили на поляну, было слышно далеко за полночь.

Что до невесты, то есть меня, то тут всё было тише, более чинно и благородно. Хотя для соблюдения традиций меня все-таки отправили на кухню, чтобы я приготовила для собравшихся женщин блюда, считавшиеся обязательными. И я приготовила... напиток из плодов имшэ – насыщенно-бордовых ягод, имевших приятный кисловато-сладкий вкус. Имшэс я научилась делать лучше всего, потому что это было быстро, просто и весьма вкусно. Что до остального, то Сурхэм успела приготовить для меня всё, что требовалось, а я подала на стол.

На этом экзамене присутствовали матери невесты и жениха, которую заменила Сурхэм, подруга, и она у меня имелась – Ихсэн, с которой мы за прошедшие дни сблизились еще больше. А также родственницы из обоих семейств. С моей стороны выступила Эйшен – женщина, поддержавшая меня на курзыме в мое первое там появление, с ней мы тоже об-

щались много и охотно, потому в моей просьбе она не отказала. А со стороны Танияра за столом сидела Тамалык – заклятая подруга Сурхэм, что и стало причиной ее появления, если, конечно, не считать любопытства. А еще... Эчиль. Да-да, вы поняли верно – Эчиль.

Со времени, когда прежний каан, ожидаемо освободил мать и бежал с ней из тагана, его первая жена стала чувствовать себя свободнее. Она начала выходить с подворья, охотно общалась с иртэгенцами, а главное, с Танияром и со мной. Ее дочери стали частыми гостями на нашем подворье, и как-то само собой у меня появилась еще одна подруга. Правда, не скажу, что спешила всецело довериться жене Архама и дочери Налыка, но оставалась с ней неизменно приветливой и благожелательной, как и Танияр. Он вел себя похоже и в присутствии Эчиль не спешил обсуждать что-то важное.

Что до остальных жен Архама, то Хасиль сидела запершись в своих комнатах, а Мейлик хоть и продолжала жить на старом каанском подворье, но больше времени проводила у своей матери. Эчиль говорила, что между собой они общаются по вечерам, когда возвращаются в дом, вторая жена бывшего каана к ним не присоединялась. Поначалу она пыталась установить свои порядки, возомнив, что ее будут слушаться, как слушались Селек. Если мягкая Мейлик еще и могла пойти на поводу, то дочь Налыка сразу припомнила Хасиль метель и прочие выходки. Получив отповедь в ответ, вторая каанша уползла в свою нору и больше ни к кому не

лезла.

– Но я за ней приглядываю, – сказала Эчиль. – Она глупая и злая, я ей не доверяю.

Но вернемся к брачным традициям. Помимо готовки, женщины проверяли и иные таланты, какими должна обладать жена. К моему прискорбию, и тут мне похвастать особо было нечем. Хотя носовые платки я все-таки вышила, на большее попросту не было времени. Между предложением Танияра и свадьбой прошла всего неделя. Хвала всем богам, как класть стежки, я помнила, а потому вышила на платках инициалы своих гостей в затейливых вензелях. Дамы полюбовались на мою работу, и Ашит подвела итог:

– Красивый узор.

– Да, – согласились с ней, и этот экзамен я тоже прошла.

Намывать полы меня заставлять не стали, оценили чистоту в доме, уже имевшуюся. Я похвалу приняла, скромно умолчав о том, что всё это дело рук Сурхэм. Последняя светилась довольной улыбкой. Еще бы! Даже Тамалык ела ее блюда и причмокивала от удовольствия, уверенная, что это дело моих рук. Как обстояли дела на самом деле, знали только сама прислужница и моя мама, но и они обе хвалили меня, придерживаясь легенды, хотя Сурхэм еще и лучилась довольством, получая вместе со мной комплименты.

Следующим испытанием должна была стать скотина, что заставляло нервничать, потому что с этой частью местной жизни я вообще еще не сталкивалась, да и сталкиваться не

собиралась.

– Может, я на Ветре покажу? – с надеждой спросила я.

– Ветра не подоишь, – расстроила меня Сурхэм, и шаманка с ней согласилась. – Нужны мгизы.

– Они меня забодают, – обреченно решила я.

– Не забодают, – отмахнулась прислужница, – у них рогов нет.

– А лбом могут стену прошибить, – ядовито возразила я.

– Так не со лба же их доить будешь, – резонно заметила Сурхэм.

– Тогда затопчут, – узрела я новую опасность.

– Выберем тебе самую спокойную мгизу, – заверила прислужница. – Научу.

– Она кааншей будет, а не прислугой, – оборвала ее моя мать. – Ашити – моя дочь, а я ее иному учила.

– Так обряд же...

– Покажет себя как хозяйка в доме, и хватит, – подвела итог шаманка, а я поглядела на нее с обожанием. – У Ашити иные заботы будут, вот и посмотрим, как к ним готова.

Так что вместо дойки мгизов я показывала знание заветов Отца, после знание ирэ, затем законов тагана. Женщины пребывали в некотором недоумении, а Ашит слушала с интересом и важно кивала, и еще, пожалуй, Эчиль. Ихсэн просто принимала происходящее как должное. Сурхэм ждала, когда можно будет перейти дальше, а в глазах Тамалык и Эйшен явно читался вопрос: когда пойдем доить мгизов?!

Но не дождались.

– А как же уход за скотиной? – не выдержала Тамалык.

– Своих дочерей учи за скотиной ходить, – отмахнулась Ашит.

– Они это получше многих умеют, – едко ответила женщина.

– Значит, будет кому каанше свежего каймыка поднести, – невозмутимо ответила шаманка, и Тамалык замолчала, более не осмеливаясь перечить моей матери.

Впрочем, каанши тоже проходили все традиционные испытания. Всякое могло случиться, а о семье заботиться должна уметь. Я умела говорить и писать на нескольких языках, могла рисовать в силу своих возможностей, танцевать, составлять тезисы и план предстоящих действий, могла составить законы, вести дискуссии, интриговать, но совершенно не умела заботиться о муже, как полагалось жене. Признаться, сознание этого удручало. Мне хотелось быть для своего супруга идеальной во всем. И пусть к мгизам подходить я не собиралась, но расширить свои познания в приготовлении некоторых блюд все-таки решила. Но потом, пока же продолжалось мое приготовление к свадьбе.

После проверки моих познаний и готовности к семейной жизни пришло время веселья. В отличие от мужчин мы не покидали дом, зато делали то, чего не делали они, – пили буртан. Немного, только для того, чтобы ощутить легкость и веселье. После этого вечер оживился. Я слушала рассказы

женщин об их семейной жизни, о мужьях, о родах и детях. Вы спросите – и что же тут веселого? А то, что они вспоминали забавные моменты и, рассказывая их, заметно приукрашивали для красного словца. Выходило до крайности забавно, и наш смех должны были, наверное, слышать за пределами дома. И постепенно посиделки начали напоминать маленький праздник.

Настал черед песен и танцев. Оказалось, что Ихсэн умеет держать в руках не только иглу, но и калдарын – струнный музыкальный инструмент с длинным грифом и четырьмя струнами. А Эчиль обладала восхитительным голосом, низким и глубоким. Неплохо пела и Тамалык, а Эйшен прекрасно чувствовала ритм и отстукивала его ладонями по столешнице. Нам с Сурхэм осталось танцевать, потому что петь нам обеим запретила Ашит, и я ощутила в прислужнице родственную душу, не имевшую ни слуха, ни голоса. Сама шаманка наблюдала за нашим весельем со стороны, более всего похожая на строгую наставницу, но улыбка все-таки играла на ее губах, и оттого надзор уже не казался суровым. Сколько длился наш девичник, я не возьмусь сказать, но спать мы разошлись, кажется, всё же раньше мужчин.

А утро снова началось с песен, но уже иных. Все женщины остались в доме Танияра, так велела традиция. Им полагалось встать раньше невесты, чтобы подготовить всё необходимое и, разумеется, саму невесту к встрече жениха. Так что проснулась я в окружении всех приглашенных женщин под

тягучий и монотонный напев обрядовой песни. В изголовье моей кровати стояла статуэтка Илсым – праматери всего сущего, по левую руку – фигурка Нушмала, по правую – Увтына. Кроме того, горели масляные светильники, распространяя приятный, но несколько въедливый аромат.

Одеяло с меня сняли Ихсэн и Эчиль, Тамалык и Эйшен, взяв меня за руки, помогли подняться с кровати и повели прочь из комнаты, не дав обуться. Мы направлялись к лихуру, где невесту ожидали ее мать и свекровь. И пока мы шли, меня не отпускало чувство, что это действие мне в некотором роде знакомо, будто я в нем уже когда-то участвовала... А спустя короткое мгновение перед внутренним взором появилась черноволосая женщина с голубыми глазами, с которой почти так же снимали одеяло, а после помогали встать с кровати и сопровождали даже в уборную. Но кем была та женщина и какое к ней отношение имела я, для меня осталось загадкой. А еще спустя миг я тряхнула головой, отгоняя досужие размышления, и вошла в лихур.

Ашит приняла меня из рук моего сопровождения, помогла снять ночную рубашку и подвела к углублению, наполненному водой. И когда я опустилась в узкую купель, мать, негромко и напевно приговаривая ритуальные фразы, начала меня мыть. Сурхэм осталась стоять в стороне, пока не принимая никакого участия в омовении. Но когда шаманка, смыв с меня последние следы мыла, отошла, к купели приблизилась прислужница, исполнявшая роль названной матери Танияра

и моей свекрови.

Сурхэм протянула ко мне руки, и я, вложив в ее ладони свои, вышла из купели. Теперь в стороне стояла моя мать, а «свекровь» обтирала меня мягким белоснежным полотном. После помогла надеть платье прямо на обнаженное тело, новые туфельки и, взяв за руку, повела обратно в мою комнату. Ашит за нами не последовала. Она не покинула дом, но далее становилась просто гостьей, наблюдавшей за сборами.

В этом и был смысл ритуала. Женщины в последний раз заботились о невесте, словно она всё еще оставалась малым дитя. Мать окунала ее в купель, прощаясь, смывала прежнюю жизнь, и свекровь принимала дочь. Обряд прощания и нового рождения, вот как его можно было назвать. Отсюда и статуэтки духов, которые шаман использовал, помогая в родах, и масло. И далее новая мать заботилась о своей дочери. Вытирала, одевала, подсушивала волосы и причесывала. Помогали свекрови ее родственницы, а женщины со стороны рода невесты более к ней не прикасались.

И только когда свекровь заканчивала, появлялась подруга невесты. Она несла вышитый ею галам, который становился завершающей частью свадебного наряда. Ихсэн постаралась на славу. Не знаю, как выглядели покровы других невест, а моя подруга сотворила великолепную вуаль, воздушную, как туманная дымка, и прекрасную, как цветущий луг. Вышив-ка, занимавшая нижнюю часть галама, была столь искусной, что мне казалось, будто я ощущаю цветочный аромат.

– Ох, – восторженно выдохнула Эйшен, стоявшая в дверях, – ну и красота же.

– Невероятно красиво, – тихо поддакнула я, любуясь даром моей подруги, когда она развернула галам. Остальные согласно кивнули.

В общем-то, покров и был главным и единственным украшением в наряде невесты. Потому подруги старались изо всех сил – он являлся показателем не только дружбы девушек, но и мастерства той, кто его готовил. Ихсэн была настоящей мастерицей. Уж не знаю, насколько была бы хороша Мейлик – лучшая вышивальщица Зеленых земель, как ее назвала Селек, но для меня лучшей оказалась именно Ихсэн.

В остальном мое одеяние было простым до невозможности: свободное платье без всякой вышивки, под которым, кроме меня самой, ничего больше не было, туфли-кейги да галам, скрывавший меня до бедер. Никакой особой прически, как у пагчи, волосы оставались распущенными. Заплести их должен был муж, чтобы показать – эта женщина уже не свободна. Но это был завершающий этап, и наступал он наутро после брачной ночи. Так что мне до него было в тот момент еще далеко.

А пока меня собирали, пришли Эгчен, Юглус, Берик и еще несколько ягиров – мужчины моего рода за неимением настоящих родственников. Они не участвовали в подготовке невесты, но должны были встретить жениха. И когда я, поддерживаемая Сурхэм – свекровью, развернулась к выходу из

комнаты, воины снова покинули дом, а за ними Ашит, Эйшен и Ихсэн.

Остались только я и представительницы жениха. Нам пока выходить не полагалось. Женщины со стороны Танияра, окружив меня, обещали мне счастливую жизнь с мужем, благословляли и давали поучения, как я должна вести себя с их родственником: слушаться, заботиться, быть верной и стать ему опорой. А еще как воспитывать детей, вести хозяйство и помнить о почтении перед новыми родственниками. Это было обязательной частью, так они воспитывали дитя, недавно пришедшее в их семью. Я слушала и степенно кивала, показывая, что услышала их и запомнила. Признаться, в этот момент я даже радовалась, что мы с кааном сами по себе и что, кроме шаманки, никто нам указывать не может, но на то она и шаманка, даже если бы не была моей матерью.

А потом до нас донесся звук сильного удара в двери дома, и меня повели на выход. Это тоже был путь, только теперь взросления. Свекровь приняла «новорожденное» дитя, очищенное от прошлой жизни. Обула, одела, воспитала, теперь пришло время становиться взрослой. И если из комнаты меня опять вывели за руку, то у порога рука «свекрови» исчезла, и во двор я шагнула уже без чужой помощи. И сразу же остановилась, как того требовал обычай.

Теперь дело было за моей «родней». Ворота были распахнуты, но на их границе заслоном встали ягиры, за их спинами – мои женщины. А перед мужчинами застыл жених, в от-

личие от меня одетый в богатый наряд. Если у невесты был момент перехода из дома матери в дом будущего мужа, то есть она оказывалась безродной на некоторое время, потому и не было ни вышивки на платье, ни украшений, то жених должен был показать, кто пришел за женой и какому роду она отныне будет принадлежать.

– Зачем пришел в наш дом? – сурово спросил Эгчен.

– За женой пришел, – ответил каан. – Отдайте мне свою дочь – Ашити.

– Ишь, чего захотел, – усмехнулся Юглус. – Ашити ему дайте.

– Иди, откуда пришел, – велел Берик. – Сестру не выдадим.

Дальше шли недолгие препирательства, из которых я узнала, какая рукодельница, умница и прекрасная хозяйка. Признаться, зарумянилась, слушая ягиров, даже стыдливо потупилась, но с умницей и красавицей решила согласиться. Мои «родственники» явно набивали мне цену, потому что на напоминание о вчерашних испытаниях и данном согласии заявили:

– Ночь была долгой, думали много. Жаль нам с Ашити расставаться. Нет у нас другой такой. Как отдать единственную?

И вот после этого из-за спины Танияра выступили ягиры, пришедшие с ним. У ног моей «родни» появилось несколько мешков со съестными запасами, оружие, три ларца с укра-

шениями, потом подвели мгиза, а напоследок поднесли поднос с золотыми арчэ. И после этого вперед выступили мои женщины. Они тщательно осмотрели всё, что «зять» готов дать за жену, а затем заговорила Ашит:

– В чем клянешься, Танияр? На что готов для нашей Ашители?

– Клянусь любить ее, пока жива моя душа, – ответил он с достоинством. – Клянусь беречь и заботиться. Клянусь, что не узнает она со мной ни горя, ни голода, ни бесчестья. Клянусь быть верным только ей одной. И пусть услышит меня Белый Дух и люди, – каан вдруг развернулся лицом к зевакам и, повысив голос, произнес: – Я – Танияр, сын Вазама и каан Зеленых земель, отказываюсь от данного мне права брать больше одной жены! У меня единственная жена и звать ее Ашити! Услышьте и расскажите каждому о моих словах, – закончил Танияр и опять развернулся к шаманке: – Принимаешь ли мои клятвы, мать?

– Принимаю, сын, – ответила Ашит, а затем велела ягирам: – Отдайте ему Ашити.

– Не мал ли выкуп? – засомневался один из воинов.

– Выкуп хорош, – ответил ему Эгчен, и ягиры разошлись, уступив дорогу моему жениху.

И мы пошли навстречу друг другу. Я не сводила взгляда с моего каана, хорошо приметного сквозь полупрозрачную ткань галама, он глядел только на меня. И когда между нами остался всего шаг, мы остановились. Танияр протянул ко

мне руку:

– Пойдешь ли ты за мной, Ашити? – спросил он негромко.

– Пойду, – ответила я. – Куда ты, Танияр, туда и я.

Затем вложила в его ладонь свою, и каан улыбнулся:

– Идем.

Нам осталось сделать последнее, и мы подошли к моей матери. Не потому, что она была шаманкой, а потому, что оставалась единственным настоящим родственником из всех, пусть и названным. И когда мы остановились, склонив перед ней головы, Ашит произнесла:

– Пусть Отец не оставит вас милостью и покровительством. Не забывайте заветов Создателя, заботьтесь друг о друге, и пусть Илсым дарует Ашити легкие роды, а Нушмал всегда укажет Танияру самый короткий путь к дому. Ступайте своей дорогой как муж и жена. – После приложила ладонь ко лбу каана, благословляя его, затем благословила меня и отступила. Обряд свершился.

По традиции молодожены уходили в дом, где для них были приготовлены яства, и никто до утра не смел их беспокоить. Но мы не вернулись под уютный кров дома каана. Сейчас это был дом невесты, и, конечно, не отправились на подворье ягиров. Танияр вывел меня за ворота, где ожидала повозка, в которую был впряжен Тэйле. Каан усадил меня на сиденье, сам занял место возницы, и повозка тронулась. А следом отправилось наше сопровождение из десяти вооруженных ягиров.

Мы ехали к священным землям, а иртэгенцы отправлялись праздновать свадьбу каана. За главным столом должны были сидеть родственники жениха и невесты, они и будут принимать поздравления и веселиться вместе с остальными, а у нас был свой праздник для двоих. И Танияр вез нас туда, где находился дом нашего Отца, тем самым и соблюдая традиции, и выбрав самое безопасное место, подходы к которому будут охранять воины. Но главное, это было самым романтичным местом, которое только можно было придумать. Бескрайняя благоухающая степь, и мы посреди нее... Неве- роятно!

Я смутно помню свадебные традиции своего родного мира, но если бы мне кто-то предложил сыграть мою свадьбу по тем правилам, я бы отказалась. Я ни за какие блага всех миров не променяла бы расстеленный на траве жалмыс – искусно вытканное большое покрывало на лакированный паркет самого роскошного из дворцов. Чистое небо над головой – на сияющую начищенную люстру и уютное уединение – на шумное пышно разодетое общество. Мне не нужна была музыка и поздравления, щедрые подарки и танцы до стертых ног в душной бальной зале. Милее сердцу оказались заповедная тишина и теплый ветер, несший на своих крыльях аромат подсохшей травы и цветов. Это было таинство в чистом виде, пропитанное символизмом, чувственным откровением и сплетением душ в искреннем и чистом порыве. Лучшая свадьба на свете, какую я могла бы себе пожелать. Я была

счастлива... Мы были счастливы!

– Ашити...

– М?

– Солнце поднялось, пора возвращаться.

– Нет.

– Нет?

– Не-а.

– Если привезу жену спящей, то люди скажут, что я силен и могуч, как йартан, настоящий зверь... Это хорошо. Это уважение и зависть. Спи.

Приоткрыв глаза, я увидела самодовольную физиономию каана, но в глазах его плескалось веселье, не позволив поверить, что он говорит серьезно. Я вновь смежила веки.

– Или они скажут, что ты так слаб, что жена заснула от скуки, – возразила я.

Ответа не последовало, и я снова посмотрела на Танияра. Теперь на лице его была написана задумчивость и исследовательский интерес.

– Слаб, значит? – спросил он как-то тускло.

Сев, я с тревогой посмотрела на своего супруга, после протянула руку и коснулась его щеки.

– Ты обиделся? – спросила я, видя, что из его глаз исчезло веселье. – Прости, я же пошутила. Ты был восх...

Пальцы каана накрыли мне губы.

– Поздно, женщина, – сурово ответил он. – Поздно. Я щадил тебя ночью, но сейчас ты познаешь всю мощь своего му-

жа.

– Да ты же издеваешься! – осознав свое легкоеверие, воскликнула я.

– Это ты издеваешься, – ответил Танияр и ухмыльнулся: – А я – зверь и всё еще голоден.

– Ты лопнешь... – попыталась я возразить, но рот мне закнули поцелуем, а дальше было уже не до разговоров...

Когда мы наконец покинули священные земли, ягиры, ожидавшие на границе, встретили нас ухмылками. В эту минуту я пожалела, что галам надевать уже не положено, потому что щеки мои запылали от смущения и негодования. Танияр остался невозмутим.

– Задержался каан, – ни к кому не обращаясь, произнес один из воинов.

– Он столько своего лета ждал, что сил до следующей зимы скопилось, – ответил другой ягир.

– Да проспали, небось, – встрял третий. – В священных землях хорошо, тихо. Устали уж от забот, вот и проспали всю ночь и утро.

– Уснешь тут, – проворчала я себе под нос, – когда рядом могучий йартан клыки скалит.

Меня услышали. Танияр обернулся и сверкнул широкой ухмылкой. И, вторя ему, ягиры взорвались громким хохотом. Я сосредоточилась на отделке моего платья и изо всех сил не замечала шуток, посыпавшихся на нас с новой силой. Да, в Иртэген я возвращалась уже в платье, которое украшал

орнамент каанского дома. И волосы муж, как и полагалось, сам расчесал и заплел в косу, закрепив ее конец затейливой заколкой. Мой лоб пересекал новый филиам, в ушах висели новые сережки, запястья украшали браслеты, но главное...

Главным украшением стал перстень, и точно такой же был надет на палец моего супруга. Вместо камня в нем была заключена «бусина» – дар Отца. Или, как называл льдинку охотник, кийрам – дыхание Белого Духа. Мне такое именование пришлось по душе, и теперь я только так и называла ледяной кристалл в форме бусины.

Перстни сделал нам всё тот же Урзалы. Он прекрасно справился с моим заказом, сделанным в первый день посещения мною курзыма. Ювелир тогда постарался на славу. Он не только сделал то, что я нарисовала, но и внес собственные дополнения, неожиданно украсившие мою задумку. И то, что было отражением мастерства ювелиров моего мира, преобразилось, получив новое звучание, более соответствующее миру Белого Духа.

Я была в восторге, и гарнитур, полученный мною от мастера, стал моим любимым. И потому не возникло вопросов, к кому обращаться, когда мы с Танияром приняли решение о форме оправы, в которую должно быть заключено «дыхание Белого Духа». Сам каан отправился к ювелиру и велел сделать два кольца, не добавляя иных камней, кроме кристаллов, которые он принес.

Срок был назначен всего в три дня, но Урзалы успел. Моя

мерка у него уже была, мерка с пальца каана была снята, и наш ювелир взялся за дело. Самым драгоценным в перстнях был кристалл, впрочем, это вполне понятно, никакой металл не может сравниться с даром Создателя. Сами кольца были отлиты просто и без затей, это было нашим пожеланием, переданным мастеру Танияром, но Урзалы вновь проявил некоторую самостоятельность, потому оправой к «бусине» стала птица арзи – спутник Нушмала и символ каанского рода Зеленых земель. Ювелир сотворил из кристалла голову арзи, а крылья пустил по ободку кольца. Вышло весьма недурно, и Танияр накинул за выдумку еще арчэ. Но это я узнала, когда каан достал наши кольца утром, собирая меня в обратный путь.

– Танияр, – позвала я, налюбовавшись на орнамент и на перстень. И когда супруг обернулся, я произнесла с ноткой раздражения: – Сколько положено шутить над брачной ночью?

Он пожал плечами и ответил:

– Никто срок не устанавливал. Обычно друзья подшучивают над мужем. Это просто веселье. Тебе не нравится?

– Смущает, – призналась я.

– Я тебя понял, – кивнул Танияр и поднял руку: – Довольно. Кому есть что сказать, потому договорите.

– Да что тут говорить? Уже наговорились, – заверили его воины, и до Иртэгена подначек уже не было.

Впрочем, я понимала их острословие. Этому десятку не

довелось участвовать в гульбище, и всё, что им осталось, – это развлекаться за счет молодоженов, чтобы хоть что-то урвать от праздника, прошедшего мимо, пока ягиры стерегли подступы к каанской чете, наслаждавшейся друг другом среди трав священных земель. Вот и развлекались как могли. И мне бы даже стало немного стыдно за требование прекратить шутки, если бы не их длинные носы в моей постели. Однако...

Приподнявшись, я ухватила за плечи каана, чтобы не вывалиться из возка, после поднялась на ноги и склонилась к его уху.

– Было бы недурно наградить их за верность и терпение, – шепнула я мужу.

– Я уже приготовил для них дары, – тихо ответил Танияр, повернув ко мне голову.

Он поцеловал меня в уголок губ и снова устремил взгляд вперед, а я уже не стала садиться. Так и ехала дальше стоя, держась за плечи каана. Танияр придержал Тэйле, чтобы каанша не потерялась по дороге, вылетев на очередном ухабе, но вернуться на сиденье не просил. Похоже, моя идея ехать, обняв его, каану понравилась, а мне тем более. Выпускать своего мужчину из рук не хотелось. И от этой мысли ликование затопило меня, вернув в душу праздник, немного испорченный пошлыми шутками воинов. Мой! Отныне и навсегда.

– Хорошо, – выдохнула я, и Танияр, обернувшись, улыб-

нулся.

В Иртэген я так и въехала, более напоминая победителя на колеснице, изображение которого всплыло в голове в эту минуту. И, решив поозорничать, я подняла руку и помахала иртэгенцам, остановившимся при нашем появлении. Впрочем, мое озорство поняла только я, потому что люди подняли руки в ответ, и в нашу сторону понеслись подначки того же характера, что и шутки ягиров. Коротко вздохнув, я наконец смирилась. Пусть поскорее отвеселятся и успокоятся. Переживу. И когда каан поднял руку, чтобы прекратить народное веселье, я остановила его:

– Пускай. Уже скоро дом.

А дома нас ждали моя мама и Сурхэм, более никого из «родственников» не было, да в них теперь и нужды не было. Признаться, я ожидала, что прислужница тоже не упустит возможности сказать что-нибудь этакое, но она только вздохнула и отправилась на кухню. Отгадка этому была проста – шаманка. Она сама не отпускала сальных шуток и, похоже, запретила это делать Сурхэм.

Удивительно, но она всё еще продолжала слышать мои мысли. Не все, но связь до конца не распалась. И когда я поминала шаманку в своих размышлениях, она это знала.

– Отцу видней, что мне знать надо, а во что нос совать незачем, – так пояснила Ашит нашу связь.

Возможно, она и сейчас слышала, что меня раздражают вольные рассуждения окружающих о прошедшей ночи. А

может, попросту уже знала меня достаточно, чтобы сделать необходимый вывод. Хотя, быть может, дело было в самой шаманке и ее взглядах на жизнь. Она ни во что не вмешивалась, пока ее не просили это делать, и не любила бестактность в других. В любом случае я была ей безмерно благодарна за то, что дома я чувствовала себя уютно и легко и могла улыбаться искренне, а не вежливо.

– Ты ведь останешься с нами, мама? – спросила я, поцеловав ее в щеку.

– Устала я от людей, – ответила Ашит. – Слишком много для меня. Поеду к Урушу, заскучал уж один дом сторожить.

– Я надеялась, что сядешь с нами за стол...

– Вчера насиделась, – отмахнулась шаманка. – Вам никто не нужен, вдвоем хорошо. Дождалась, теперь поеду.

Вскоре она и уехала, на йенахе. Малыш пришелся моей матери по душе. И хоть она в своей сдержанности эмоций не проявила, когда принимала его, но все-таки кивнула:

– Хороший подарок. Спасибо, дочка.

И Уруш, как мне и думалось, встретил нового приятеля с энтузиазмом. Теперь он не крутился под ногами шаманки, а носился с маленьким бегуном по двору и за его пределами. Даже спать уходил в сарай, где теперь жил Малыш. Так что угодила я всем троим разом, чему, признаться, была рада. А сейчас йенах бежал обратно в священные земли, к своему другу, такому же кудрявому, как и он. И на спине его, помимо хозяйки, были пристроены дары, отданные кааном в день

свадьбы.

Оружие забрали ягиры, оно предназначалось для них. Мешки с припасами поделили между собой женщины, как и ларцы. И если в двух ларцах находились украшения, то в третьем были собраны иные подношения, которые Ашит оценила. Медная ступка и пестик, набор бляшек и костяных бусин, хвосты животных, мешочки с сушеными травами, привезенные Танияром из дальних таганов еще во время моих поисков и подготовки новой встречи. И прочие вещи – с первого взгляда чепуха, но важные для шамана.

Когда я увидела, что Танияр готовит в дар моей матери, я изумилась:

– Ты даже сомнения не допускал, что я могу отказаться и не пойти за тебя?

– Разве мне можно отказать? – изумился в ответ каан.

– Можно, – ответила я деловито, – но ты когда-то обещал взять измором мою мать. Я просто решила избежать новых угроз для нас обеих.

– Какая умная жена у меня будет, – ухмыльнулся наглец. – И осторожная.

А после того как уехала шаманка, ушла и Сурхэм, оставив нас с кааном наедине, сказав напоследок:

– Вещи твои я к мужу перенесла, еды наготовила. Если о ней вспомните, знаешь, где взять. – И все-таки не удержалась: – Надеюсь, сил у вас уже не осталось, дом не развалите. Мне сюда еще возвращаться.

– Развалим – новый выстроим, – обняв меня за плечи, ответил ей Танияр. – Ступай, Отец с тобой.

– И вам его милости, – с достоинством ответила прислужница и направилась к двери. – А дом всё ж поберегите. Пока новый отстроите, опять сил скопите, так и тот обвалите.

– К тебе придем силы тратить, – усмехнулся каан. – Пока дом строить будем. Примешь?

– Этот берегите, – проворчала Сурхэм, и дверь за ней закрылась.

А мы остались. Наша семейная жизнь началась, но дела всё еще могли немножечко подождать, например до завтра. А сегодня продолжало оставаться только нашим, и что-то менять мы не стали...

Глава 2

Курзым затих. О нет! Люди не покинули базар, их было много, как обычно, но все молчали. Они слушали: торговцы, покупатели, зеваки. И вновь нет, никто не держал громких речей, ни к чему не призывал и никого не обличал. Напротив, разговор велся негромко, и потому иртэгенцы не желали пропустить ни слова. А слушали они меня и невысокого серьезного мужчину, выбранного мной на должность смотрителя рынка.

Этот человек был плотником. Танияр отзывался о Керчуне, так звали мужчину, как о настоящем мастере своего дела. Говорил, что тот легко понимает желания хозяев, делает свою работу быстро и хорошо. И своим подручным спуску не дает.

– Он дорожит добрым именем, – сказал тогда каан.

Выслушав мужа, я ненадолго задумалась и попросила:

– Пригласи его к нам. Хочу на него посмотреть и поговорить.

– К какому делу желаешь приставить? – без лишних пояснений понял меня Танияр.

– Если Керчун не только мастер, но и хороший администратор, а похоже, он именно таков, раз может выстроить наиболее удачным образом работу свою и подручных, то я хочу предложить ему стать смотрителем курзыма. Там пора

навести порядок, я тебе говорила...

– Я помню, свет моей души, но не рано ли браться за кур-
зым? Слишком много перемен и слишком быстро...

– Я не предлагаю многое, – отмахнулась я, – только упорядочить хаос и устроить торговые ряды. Ну и поставить человека, который будет следить за размещением товаров и соблюдением установленных правил. Строить хотя бы укрепления из камня я пока не предлагаю, люди к этому точно не готовы.

– Об этом пока никому говорить не стоит, – усмехнулся каан и вернулся к нашему разговору: – Хорошо, я позову плотника Керчуна. Посмотришь на него. Но если люди будут злиться, начни тогда просто с прилавков. Сейчас важнее наша дружба с племенами, и злоба внутри тагана будет лишней.

– Не переживай, любовь моя, – улыбнулась я. – Я не стану провоцировать бунт. – А затем спросила: – Перевести все непонятные слова?

– Только то, что ты сказала о Керчуне. Адстри...

– Администратор, – хмыкнула я и перешла к пояснениям.

Керчун пришел на следующий день. Встречала плотника я одна, каан отбыл к границе с кийрамами. Это была его первая дружественная поездка, поэтому я нервничала. Хотя таких боевых действий, как между Белым камнем и пагчи, здесь не велось, только короткие стычки, но ранения и смерти бывали. Да что там, достаточно вспомнить, каким Тания-ра привезли к Ашит, чтобы понять, насколько мне было тре-

можно.

Брать меня с собой супруг отказался. Я предложила сопровождать его, чтобы подчеркнуть наши мирные намерения, но Танияр в этот раз оказался непреклонен, и всё, что он мне ответил, было коротким и четким:

– Нет.

– Милый...

– Нет. Я всё сказал.

И, поцеловав меня, ушел, а я осталась томиться в ожидании его возвращения. Должно быть, желая меня отвлечь, каан и прислал ко мне плотника, который явился вскоре после того, как отряд ягиров, сопровождавший Танияра, выехал за ворота Иртэгена.

– Милости Отца, Ашити, – произнес Керчун, появившись на пороге моего кабинета, куда я ушла больше по привычке, чем из желания чем-то заняться. – Каан сказал, что ты хочешь со мной поговорить, я пришел.

– И тебе милости Белого Духа, уважаемый Керчун, – рассеянно улыбнулась я. – Проходи.

Мне казалось, что время для беседы сейчас неудачное, уж больно живо вставали перед внутренним взором раны Танияра, полученные им зимой. Но когда посетитель устроился на стуле и выжидающе посмотрел на меня, что-то такое проснулось во мне. Память или что-то еще, но губы сами собой растянулись в вежливой улыбке, плечи расправились, и разговор начался.

Светская беседа постепенно переросла в деловую. Впрочем, поначалу мы обсуждали дом и его перестройку. Первым был кабинет, после прошлись по всему дому. Я слушала ответы Керчуна, отмечала, как он легко и быстро ухватывает мои пожелания и вносит в них уточнения, что-то опровергает, что-то одобряет. Суждения плотника мне понравились своей основательностью. После я завела разговор о том, как он работает с подручными. И вновь мне понравилось, что не было принижения работников, похвальбы и зазнайства. А когда он замолчал, я признала за мужем умение разбираться в людях и предложила моему гостю вернуться в кабинет.

– Но уважаемая Ашити, – выслушав меня, заговорил плотник, – как же? Я ведь дома строю, утварь разную делаю, а тут курзым. Как же мне одному за всеми уследить?

Отметив, что «нет» он все-таки не сказал, я улыбнулась:

– Почему же одному? Выбери себе толковых помощников, да и ягиров полное подворье без дела сидит. Каан двоих тебе в помощь приставит. А люди быстро привыкнут. Главное – начать. Что до твоего дела, так и его бросать незачем. И за подручными приглядишь, и на курзыме порядок установишь. Как будет нужна помощь – приходи, я тебя всегда приму. А если будет совсем невоготу, неволить не стану, я другого зрителя поищу. Попробуй, большего не прошу.

– Хорошо, каанша, попробую.

– Завтра тогда на курзым вместе сходим, а сейчас давай о прилавках поговорим.

– О чем?

– Сейчас объясню, – и я достала чистые свитки, чтобы нарисовать эскиз...

И вот мы стояли посреди курзыма, и иртэгенцы жадно ловили каждое произнесенное слово.

– Торговые ряды необходимы, уважаемый Керчун, – говорила я, обводя рукой базарный хаос. – Мясной, бочарный, кожевенный, скобяной и всё в этом духе. Нужны прилавки и разделение товаров по их названию и назначению. Еда отдельно, одежда отдельно, и непременно мясо к мясу, траву к траве, сапоги к сапогам, никакой мешанины. Так людям будет удобней разбираться в том, где находится необходимый им товар.

За моей спиной стоял невозмутимый Юглус и обводил равнодушным взглядом земляков. Он стал моим почти бессменным спутником. Почти – потому что был еще и Берик. Они меняли друг друга через день. Эти два ягира как-то сами собой стали моей личной охраной с молчаливого согласия моего супруга. Каан доверял им всецело, как, впрочем, и всем остальным своим воинам, но эти двое сошлись со мной ближе других, даже подружились, потому вопроса «Кому охранять кааншу?» не возникло. А еще они были в некотором роде моими советниками. Могли подсказать или помочь разобраться в вопросе, в котором я была еще несведуща.

Впрочем, советчиков всегда находилось великое множе-

ство, если разговор шел на людях. Любопытные иртэгенцы в своей простоте и прямодушии останавливались, если замечали нашу беседу или спор, слушали, а после щедро делились собственным мнением. Обычно я всех выслушивала с улыбкой и благодарностью, а после делала по-своему. Хотя случалось, что люди наталкивали меня на дельную мысль, так что от этого вмешательства я раздражения не испытывала.

Вот и сейчас, когда я давала наставления Керчуну, люди слушали и ждали момента, когда смогут высказаться, а то, что молчать не станут, я понимала.

– Уважаемая Ашити, вот всё ты хорошо говоришь, – произнес торговец корзинами, стоявший к нам ближе всех, – только как же плату брать? Если я поставлю на свои корзины две кэсы, а мой сосед одну, то ведь мне и корзины не продать, пока он от товара не избавится. А так кому лень или нет времени долго бродить, то он у меня купит.

– И потому каждый товар должен иметь единую цену, – ответила я и подняла вверх руку, не дав корзинщику заговорить: – Разницу даст материал, из которого сделана корзина, наличие сложного плетения, размер и насколько хорошо она сделана. А дальше торг.

– Ох и хорошо, – шумно выдохнула еще незнакомая мне женщина. – А то как же без торга-то?

– Не-е, – протянула другая женщина, стоявшая за спиной первой. – Без торга нельзя. Так ведь и без единой кэсы домой

вернешься.

– Без торга никак нельзя, – важно кивнул мужчина, кажется ее муж. – Это ж пока торгуешься, так обо всем переговоришь, подружишься. А как подружишься, так и еще сторгуешься.

– Да и зачем эти ряды? – встрял еще один иртэгенец.

– Да-да, – покивала ветхая старушка с клюкой в узловатой ладони. – Это ж как на курзым-то ходить тогда? Бывает, встанешь утром, маетно на душе, всё злит. Ни радости нет, ни веселья. Вот и пойдешь на курзым. А тут с одним поругаешься, с другим потолкаешься, третьего послушаешь, а всё пока товар нужный ищешь. Может, и не купишь, а душа отойдет. А если всё по порядку-то будет, со скуки помрешь.

– Верно, – поддержали ее. – Ноги стопчешь, душа вон, а наговоришься с людьми-то, и на сердце легко. И с соседями есть о чем поговорить после, и для себя чего нового узнаешь.

– И чем же всему этому ряды мешают? – улыбнулась я. – Курзым большой, товар разный, люди те же. Ходи, толкайся, разговаривай, а кто по делу придет, так хоть попусту время тратить не станет.

– А мы не по делу, что ль? – изумились иртэгенцы. – Все с делами, а у курзыма свой закон.

– Торговые ряды и порядок на рынке этот закон не изменят, можете мне поверить, – заверила я. – Всё останется, как было, только искать нужный товар будет намного легче. А пройдет немного времени, и когда кто-то из вас окажется на

курзыме в чужом тагане, тогда и поймет, насколько у нас хорошо.

– Ашити права, – из-за спин иртэгенцев вышел Танияр, и люди склонили головы, приветствуя каана, а я ответила ему улыбкой: – Кто был в Курменае, тот знает, как их курзым устроен. Людей там великое множество. И потолкаться могут, и поругаться, и повеселиться всем миром. Но если идешь к кузнецу, то не придется прежде с ног сбиться, пока из платьев женских выберешься да на серьги наглядишься. А чтобы мяса купить, не надо через ножи и сапоги продираться, пока свежее мясо на солнце тухнет.

– Стало быть, одобряешь? – любопытствовали иртэгенцы.

– То, что на пользу, всегда одобрю. Быть нашему курзыму таким, чтобы о нем молва добрая шла и другие таганы у нас перенимали.

Последнее людям понравилось особенно, потому они закивали, соглашаясь с кааном. Позадирать носы дети Белого Духа любили, но без злобы, только для важности. Я с улыбкой наблюдала за ними, после перевела взгляд на смотрителя курзыма:

– Ты всё услышал, уважаемый Керчун?

– Всё, уважаемая Ашити, – кивнул он. – Сегодня же вечером скажу, как решил ряды поставить. И помощников толковых подберу, одному тут не справиться.

– Буду ждать, – ответила я и направилась к Танияру.

– Едем? – спросила я супруга.

– Да, – ответил он и, приобняв меня за плечи, повел прочь с курзыма.

Мы ехали к кийрамам. Танияр сам предложил мне сопровождать его, когда вернулся вчера в Иртэген после первого разговора с главой племени, носившим имя Улбах. Кстати сказать, вопреки моим переживаниям каан вернулся живым и здоровым, что бесконечно меня порадовало, и с добрыми вестями.

– Улбах согласился поговорить. Завтра к нему с дарами поеду, – сказал мой муж, прочитав вопрос во взгляде.

– Он может заманить тебя? – с тревогой спросила я. – Может обмануть?

– Кийрамы коварны, могут быть жестоки, как их Покровитель, но они также и честны, – ответил супруг. – Если дали слово, сдержат. Теперь ты можешь поехать со мной, если захочешь.

Покровителем кийрамов был Хайнудар. Хитрый, порой злой, непримиримый и жестокий, он взял под свое покровительство хищных зверей и птиц. Его брату-близнецу Тагудару, добродушному и веселому, достались остальные животные, как лесные, так и жившие с людьми. Эти духи часто ссорились, даже дрались, когда Тагудар просил брата умерить кровожадность его подопечных. Уговаривал, увещевал, а потом защищался, потому что Хайнудар высмеивал его доброту и, выходя из себя, лез с кулаками.

Устав наблюдать за ссорой племянников, Белый Дух создал племя кийрамов, которых, конечно же, выносила и родила Илсым. А после велел Хайнудару оберегать племя с той же любовью, что и зверье.

– Не сбережешь, я уничтожу всех, кого ты любил прежде, – предупредил Отец.

Опасаясь за жизнь обожаемых животных, Хайнудар начал присматривать и за новыми подопечными. Сначала ворчал и наблюдал со стороны, не спеша вмешаться в их существование. Но когда один из кийрамов, залюбовавшись на блеск солнечных лучей на поверхности речных вод, едва не утонул, дух вышел к людям и начал их учить.

Он стал много времени проводить с кийрамами – дети требуют постоянного внимания. Звери оказались предоставлены сами себе. В жажде крови они бросались друг на друга, на подопечных Тагудара и на других детей Белого Духа. Но Хайнудар их любил по-прежнему, потому к жалобам братьев и сестер – духов оставался глух. Но однажды стая йартанов напала на поселение кийрамов. Они вырезали почти всех. Не ради добычи, лишь из лютой злобы, владевшей ими.

Хайнудар появился, когда в поселении осталось всего десять человек. Он в ужасе смотрел на растерзанные тела людей и на окровавленные морды йартанов. И обуял тогда духа великий гнев. Ярость его оказалась столь велика, что он бросился на хищников, желая уничтожить каждого за смерть беззащитных кийрамов, и только Белый Дух остановил пле-

мянника от кровавой расправы.

– Ты прозрел, Хайнудар, – сказал ему Отец. – Ты познал утрату и боль, от которой разрываются души тех, кого ты не желал слушать в своей слепоте и гордыне. Но убив йартанов, ты не уймешь пожар своего горя, лишь увеличишь его силу новой утратой. Ты умеешь заботиться о сильных, научился заботиться и о слабых, а теперь ты должен научиться быть справедливым.

Осознал тогда Хайнудар, что готов был новым убийством вырвать самому себе сердце. Поглядел он в звериные глаза, после на выживших кийрамов, смотревших на него с надеждой и любовью, и заплакал от жалости к первым и от горя по другим. А когда слезы закончились, дух прогнал йартанов из поселения, навеки разделив их.

Умные и коварные хищники с тех пор перестали сбиваться в стаи. Они живут поодиночке и охотятся так же, пока не встретят свою пару. А когда их детеныши подрастают, то уходят от логова родителей, чтобы вновь одиноко бродить по лесам, пока не приходит их черед оставить потомство. Они больше не испытывают прежней жажды крови и убивают, только когда голодны, чтобы насытиться.

А людей Хайнудар научил охотиться. Кийрамы в Белом мире считались лучшими охотниками, потому что больше остальных народов знали повадки зверья, этому обучил их Покровитель, чтобы они могли защитить себя от хищников и не умереть с голоду. Но в этом племени никогда не били

зверье ради забавы. Они брали от леса ровно столько, сколько им было нужно, чтобы прокормиться и согреться в теплых шкурах.

Впрочем, и тагайни, и пагчи, и другие дети Белого Духа соблюдали эти правила, потому что Хайнудар в своей ярости становился слеп и жесток. За зверя, убитого без надобности и не ради защиты, он мог натравить своих клыкастых подопечных на охотников, а то и на всё поселение. Так что люди никогда не охотились ради развлечения, как в моем родном мире, о чем я вспомнила, слушая рассказ о появлении кийрамов из уст моей названной матери.

Однако норов Хайнудара передался и его подопечным. И если разум хищников больше не мутился от слепой кровожадной злобы, то кийрамы, напротив, окрепнув, переняли от духа его коварство и жестокость. Хотя тут точнее было бы сказать – жесткость. А еще мстительность. Затаивший злобу кийрам мог годами выжидать момента, когда нанесет своему обидчику решающий удар и сможет насладиться его мучениями. Впрочем, умели они и дружить с тем же жаром, что и ненавидеть.

Я понимала, почему Танияр отказал мне в моем желании ехать к племени вместе с ним в первый раз. До этой встречи тагайни и кийрамы пусть и не враждовали, как Налык и пагчи, но схватывались не на жизнь, а на смерть, потому поводов для обиды у лесных охотников было немало, и мстить они умели изощренно. А так как ягиров водил нынешний

каан, то и удар могли нанести не по нему, а по мне, и уже после того, как увидят его горе, убили бы и Танияра.

Но после того как переговорил с Улбахом, супруг позволил и мне ехать с ним, на что я, разумеется, согласилась без всяких раздумий. Во-первых, так мне было спокойнее, а во-вторых, меня снедало любопытство. Мне было безумно интересно посмотреть на это племя, жившее у наших границ. Пагчи я полюбила всей душой, хотелось подружиться и с кийрамами, но сначала надо было понять этих людей, почувствовать. К тому же во мне не было предубеждения любимых детей Белого Духа, и в этом я видела повышение наших шансов на сближение, как хотел Танияр.

Впрочем, подружиться мне хотелось не только с соседями, но и с теми, кто жил в Зеленых землях. И если иртэгенцы знали меня уже хорошо, а в поселении Агыль, где я помогала матери принимать роды, со мной хотя бы успели познакомиться не по слухам, то больше я пока нигде не была. Это следовало исправить. Тем более наши обязанности с мужем разделились, как вы уже поняли сами. Если говорить более цивилизованным языком, пока мой супруг вел внешнюю политику, я занималась внутренними делами государства.

В общем, еще до встречи с Керчуном я успела побывать в одном из ближайших поселений, где люди встретили меня настороженно, но с живым любопытством. Мне уже не пришлось доказывать, что я не пагчи, и напоминать о том, что Отец любит всех своих детей одинаково. Теперь я стала

женой каана, и этим было всё сказано. А мое дружелюбие и приветливость сгладили напряжение, царившее в начале встречи. Расставались мы с моими новыми знакомцами с искренними улыбками.

Стоит заметить, что мой визит был еще одним новшеством в устоявшемся укладе жизни в тагане. Жены каанов подворья не покидали, их жизнь протекала на женской половине. Они занимались рукоделием, рожали, растили детей и блюли честь мужа. Нет, каанши не являлись узницами, им не запрещалось ходить на тот же курзым, навещать родных, даже если они жили в другом поселении, но в дела управления не лезли. А я вела себя иначе.

Однако это не вызывало ни народного недоумения, ни недовольства. И всё потому, что жены в обычных семьях были наравне с мужьями. Могли и на охоту вместе пойти, и за ягодами. Для мужчин ползать с корзинкой не считалось зазорным, как и не порицалось умение женщины обращаться с луком или ножом. Напротив, хоть умение владеть оружием для женщин и не было законом, как у пагчи, но если жена или дочь желала научиться, ей не отказывали. Когда муж не может защитить свой дом, это сделает жена.

Впрочем, я желания обучаться военному ремеслу не выказывала, а Танияр не настаивал. У меня были иные таланты, которые почитались теми, кто меня уже хорошо знал, а для защиты оставались Юглус и Берик. Хотя дальше Иртэгена я выезжала с более многочисленной охраной. После мое-

го похищения каан не желал быть легкомысленным, потому мое сопровождение выросло до семи человек. Они не лезли под руку, не запугивали земляков, но бдительно следили, чтобы мне не был причинен вред, особенно в дороге. Но это к слову. А сейчас вернемся к кийрамам.

Они жили большой ничем не огороженной общиной. Считалось, что при настоящей угрозе хищники выйдут на защиту племени, а потому огораживаться стенами кийрамы считали ниже своего достоинства. Лес – вот их крепостные стены. Мне такой довод показался несколько спорным, потому что покровитель лесов Дурпак защищал пагчи, однако они стены вокруг своего поселения возвели.

Мне думалось, что дело скорее в том, что кийрамам достались в соседи Зеленые земли. Люди там хоть и задирали носы, но относились к племенам все-таки более лояльно. На племя Хайнудара никогда по-настоящему не нападали, потому и опасаться им особо было нечего. Потому имелось немало домов, стоявших обособленно от общины, вроде хижины того охотника, который когда-то спас мать Танияра.

– Они похожи на пагчи? – спросила я мужа, пока мы ехали к границе.

– И похожи, и нет, – уклончиво ответил каан. – У пагчи душа открыта. Они готовы дружить уже после знакомства, а кийрамы еще долго будут присматриваться. Заслужить их доверие непросто, одних даров мало.

– Удивительно, – сказала я, и Танияр ответил мне внима-

тельным взглядом: – Налык так упорно пытается истребить пагчи, но они всё равно готовы помочь тагайни, если они попадают в беду, принимают и открыты для дружбы. А кийрамы, не столкнувшись и с сотой долей тех испытаний, какие выпали подопечным Дурпака, не спешат доверять протянутой им руке.

– Всё просто, Ашити, – улыбнулся каан. – Пагчи – это лес. Он принимает каждого, кто войдет в него. Люди рубят деревья, охотятся на зверье, могут устроить пожар, но лес всё равно делится с человеком своими дарами. И пагчи такие. Они быстро забывают обиды и готовы принять каждого, кто станет им другом. А кийрамы – это звери. Зверь недоверчив, он не подойдет к человеку, пока тот не заслужит его доверия. Съест кусок мяса, который ему оставят, но не позволит к себе приблизиться. Зато, если подружится, станет верным спутником, защитником и охранником.

– То есть нужно взглянуть на кийрамов как на хищников? – задумчиво спросила я больше саму себя, чем мужа.

– Может быть, и так, – усмехнулся он.

Кивнув ему, я устремила взгляд вперед. Еще один любопытный народ, и как же интересно сплетается характер племени со своим Покровителем. Признаться, мне понравилось определение Танияра: пагчи – лес, кийрамы – хищники. И чем же можно привлечь хищника? Мучительно поморщившись, я попыталась вспомнить, что знаю о приручении диких зверей, но память не отзывалась. Возможно, я попросту

этим никогда не интересовалась.

– Что тебя терзает? – спросил каан, заметив мое сражение с памятью.

– Пыталась вспомнить, что знаю о приручении хищников, – ответила я. – Но память молчит. Может, для того воспоминания время еще не пришло.

– Ты много спрашивала о законах, о том, как мы живем, но никогда о животных, – ответил Танияр. – И раз не спрашивала, значит, и зверье в твоём мире тебя не занимало. К тому же ты не любишь охоту, значит, и повадки животных тебе были не нужны. Но ты хороший всадник и много рассказывала про лошадей, потому я говорю, что из всех животных ты больше любила их. И здесь ты ведешь себя так же: тебе не нужны животные, ни дикие, ни домашние, ни их повадки, но с любовью смотришь на Ветра и Малыша опекала. Они единственные, кто тебе любопытен. Ты не вспомнишь того, о чем думаешь, потому что не знаешь.

– Похоже, что ты прав, – усмехнулась я. – Кажется, я больше увлекалась изучением законодательства и юриспруденции, чем повадками животных. Я знаю о тех, кто живет рядом с человеком, вроде кошек или собак, но о коровах и овцах мне лишь известно, как они выглядят, что едят траву и что человек может от них получить. Я никогда к ним не приближалась. Кажется, была в зверинце – это место, где держат животных в клетках, чтобы можно было на них посмотреть поближе, но все мои знания заканчиваются на том, кто

опасен, а кто нет. Однако при воспоминании о лошадях мое сердце наполняется теплотой.

– Ты помнишь, как я говорил нужно вести себя в поселении? – спросил каан и, дождавшись моего кивка, продолжил: – Этого достаточно, чтобы не посориться с кийрамами. А их доверие мы завоюем.

Да, я помнила всё, что говорил мне Танияр. Эта беседа состоялась после того, как я подтвердила желание ехать с ним к соседнему племени. Не совать нос куда не просят, не ходить где вздумается, не приставать с вопросами, если отвечать не хотят. А еще не склонять головы, даже приветствуя. Склоненная голова – это знак подчинения. Держаться нужно только на равных.

– Когда они примут нас, разговаривать будет проще, – сказал мой супруг. – А доверять начнут, когда поймут, что мы готовы дружить и не хотим ни воевать, ни прогонять их. Вот в этом мы и постараемся их убедить.

– Какое место в их иерархии занимают женщины? – спросила я.

– Жена и есть жена, – пожал плечами Танияр. – У кийрамов главный тот, кто сильнее. Если жена окажется сильнее мужа, то говорить первой будет она, но мы едем к вожаку, а это самый сильный мужчина племени, и телом, и духом. Его женщина будет занята своими делами.

– Но Улбах может к ней прислушаться?

– Это его женщина, и выбирал ее вожак по сердцу, значит,

может прислушаться.

– Отправь меня к ней, – подумав, попросила я.

– Ты хотела послушать, о чем мы будем говорить с Улба-
хом, – напомнил каан.

– Как главное скажешь, так и отправь. К чему жене слу-
шать разговор мужа? Женщины быстро найдут, о чем побол-
тать, пока мужья ведут важную беседу.

– Хорошая мысль, Ашити, – улыбнулся Танияр. – Так тол-
ку будет больше. Но вести себя будешь, как я велел, – строго
добавил он, и я заверила:

– Я – сама скромность и вежливость.

– Чем увлечь хочешь?

– Как пойдет, – легкомысленно ответила я.

– Отец с тобой, свет моей души, – с улыбкой произнес
каан, и я ответила ему ласковой улыбкой.

Когда мы пересекли границу, я так и не поняла, просто
Танияр сказал, что мы уже на землях кийрамов. Обернув-
шись, я поискала взглядом хоть какую-то вежу, которая обо-
значала бы границу, и ничего не заметила.

– Дерево раздвоенное видела? – спросил Берик, ехавший
на полкорпуса саула позади меня. – Это и есть конец наших
земель.

– Дерево однажды сгниет или сгорит, или его срубят, –
заметила я. – Нужен знак, который даст четкое понимание,
что здесь начинаются Зеленые земли. Столб, например. И
приграничные разъезды. Кордоны, наконец, крепости. Как

вы узнаете, что в пределы тагана вторгся враг? Когда из горящего поселения кто-то выживший прибежит?

– Почему из горящего? Когда чужое войско подходит, вестник из поселения к нам бежит, – ответил каан.

– А пока вы доберетесь, крестьяне оборону держат? И сколько в живых остается? Границу надо охранять, крепости ставить, разезды пускать. И крепости укомплектовать пограничной стражей. Они и будут первым рубежом обороны. И стены возводить каменные. Пока стенобитные орудия изобретут и катапульты, Зеленые земли будут стоять неприступными и непобедимыми. Надо развивать оборонную промышленность, набирать рекрутов, формировать полки...

– Остановись, – ровно произнес Танияр, и я, опомнившись, посмотрела на него, но в оправдание себе сказала:

– Мы еще не доехали.

– У леса ушей хватает, – ответил супруг. – Половину того, что ты сказала, кийрамы не поймут, даже ягиры не всё поняли, но ты мне обещала. Держи слово.

– Прости, – сдалась я и отвернулась, ощутив стыд.

Я и вправду нарушила слово, данное мужу. Не все мои идеи стоило выносить на всеобщее обсуждение до поры, пока не укрепится положение нового каана и пока люди не начнут принимать перемены, начинавшиеся для них с дружбы с племенами. Курзым с его торговыми рядами – мелочь. Появятся прилавки, Керчун распределит торговцев в новом порядке, и вскоре народ привыкнет, потому что это не переме-

на, всего лишь небольшая перестройка привычного уклада.

Им предстояло более серьезное испытание – принять жителей племен как равных. Даже лояльные тагайни Зеленых земель относились к другим детям Белого Духа с предубеждением. Кто-то быстро привыкнет к тому, что за границей тагана живут не враги, а добрые соседи, а кто-то откажется принять новую данность и затаит злобу на каана. Но было и кое-что еще. И пожалуй, этим главным была я.

Мои споры с мужем и громкие речи при свидетелях могли привести к выводу: каан говорит моим языком. Отсюда и дружба с племенами, и введение новых порядков. Один брат думал головой матери, второй – жены. И пусть Танияр слушал меня, но делал он все-таки по-своему, однако люди увидят то, что захотят, а не истину. Но если Селек была своей, то я – пришлая. Вот тут и вспомнят опять и зеленые глаза, и появление ниоткуда. И к чему это приведет, предположить было несложно. Архам лучше Танияра. Он обычаи блюдет, дикарей не привечает, чужаков в свой дом не водит. И если кто-то держал с беглецами связь, то вернуться им было недолго. Конечно, ягиры встанут за нынешнего каана, но это кровь и принуждение к подчинению, что породит ненависть. А ненависть – не то, чего мы желали.

Я не смела вредить мужу, потому обещала свои замечания говорить ему наедине. И вот не сдержалась, еще и на землях тех, чью дружбу мы желали заполучить. Там, где слово вожака – закон, а я так громко спорила...

– Проклятие, – прошептала я, отвесив себе мысленных затрещин.

– Ашити, – позвал меня Танияр.

Подняв на него взгляд, я увидела теплую улыбку.

– Прости, – снова сказала я.

– Не сержусь, – ответил каан. – Дома повторишь, о чем говорила. Я тоже не всё понял, – закончил он с усмешкой.

– Я больше не нарушу обещания, – клятвенно заверила я, и инцидент был исчерпан.

А вскоре стали появляться первые срубы. Были они низкими, в человеческий рост, с плоскими крышами, имевшими наклон для стока воды. Никаких садов и огородиков, никаких налличников. Строгие, даже мрачные, как и их жильцы. Они вышли, когда мы проезжали мимо. На лицах не было улыбок, но и попыток задержать нас или напасть тоже. Кийрамы провожали нас взглядами, а после возвращались к своим делам.

Я отметила неброскую одежду серого цвета и полное отсутствие украшений. Волосы женщин были заплетены в косу, головы мужчин полностью выбриты. У детей, что у мальчиков, что у девочек, волосы были обрезаны по плечи. Как когда-то рассказывала мне мама, маленькие кийрамы носили одинаковую длину до момента взросления, после девушки отращивали длинные косы, юноши обривали головы. С этого момента они считались созревшими. Кстати, волосы у них были каштанового цвета, а глаза светло-карими, чем-то

и вправду напоминая звериные.

– Когда мы доберемся до поселения? – спросила я, когда мы проехали уже немало одиноко разбросанных домиков.

– Мы уже въехали в него, – ответил Танияр. – Это и есть поселение. Оно далеко тянется, почти по всем землям кийрамов. Где-то дома стоят чаще, где-то реже, где-то их совсем не видно, но это всё равно поселение. Вспомни, о чем мы говорили, когда сравнивали два племени.

И я поняла. Звери живут в лесу, не обнося свои логова заборами. Они просто выбирают место и обустраиваются там. Кийрамы живут по тем же законам. Лес – это и есть их поселение, а они одна большая стая. На самом деле они не живут обособленно, просто выбирают место посвободнее, чтобы не отпугивать добычу. У этого племени нет скота, им не нужны пастбища. Они охотники и нуждаются в охотничьих угодьях, потому и заходят на земли соседей.

– А где дом вожака? – снова спросила я.

– Нам укажут, – ответил Танияр.

На этом я рот закрыла и просто набралась терпения. Тем более и ждать было недолго, вскоре нам навстречу вышли пятеро мужчин. Таких же неулыбчивых, как и все, мимо кого мы проехали. Они встали, закрыв собой дорогу, и каан поднял руку. Мы послушно остановили саулов. Танияр спешился первым и встал напротив воинов кийрамов.

– Богатой добычи, – приветствовал он подопечных Хайнудара, никак более не выказав приветливости.

– Ты пришел с ягирами, – произнес один из воинов племени.

– Они охраняют мою жену, – ответил каан. – Однажды прислужники Черного украли ее, больше я этого не допущу. Оружия при мне нет, как и обещал. – Он и вправду был без оружия. Не было на Танияре ни доспехов, ни плаща. У ягиров оружие было, но отсутствовали ленгены – главный вестник угрозы. Только ножи, и у двоих луки, притороченные к седлу. – Мы не желаем вам зла и не собираемся нападать. Ягиры готовы отдать вам оружие, но они должны его получить, когда мы отправимся в обратный путь.

– Если боишься за жену, почему привез ее?

– Здесь я за нее не боюсь, среди детей Хайнудара нет поклонников поганого Предателя.

– Верно, нет, – ответил кийрам. – Тогда почему не оставил ягиров с оружием на своей земле, когда приехал на нашу? Вы так делаете.

– Враги умеют скрываться там, где их не ожидаешь увидеть. Мою жену украли, когда она только выехала со священных земель. Предатели умеют скрываться.

– Среди нас не скроются, – высокомерно ответил кийрам.

– Они живут рядом, но ни вы, ни мы этого не заметили, – ответил Танияр.

– Где?

– В Каменном лесу.

– Поганое место, мы туда не ходим.

– Мы тоже, потому они там есть. Если вожак боится за свою жизнь, я прикажу ягирам отдать вам оружие, – каан вернулся к началу разговора.

– Вожак никого не боится! – повысил голос кийрам, молчавший до этого.

– Никто из нас не боится тагайни, – сказал первый. – Оставьте себе свое оружие. Убьете Улбаха – живыми отсюда не уедете.

– Нам не нужна смерть вожака, – ответил Танияр. – Мы хотим дружить, а не воевать.

– Зачем нам ваша дружба?

– Ты – вожак? – любопытствовал мой муж.

– Нет, – кийрам отрицательно мотнул головой. – Я его брат – Кхыл.

– Улбах начал терять свою силу?

Я с тревогой взглянула на Танияра. Он явно подзадоривал кийрама, но зачем – я не понимала. Если мы едем с дипломатической миссией, то к чему будить зверя, уж простите мне мой каламбур.

– Улбах силен!

– Вожак ломает тебя голыми руками, тагайни!

– Как ты смеешь называть вожака слабым?!

– Это ты слабый, беловолосый!

Происходившее живо напомнило мне перелай собачьей своры. Впрочем, дальше выкриков кийрамы не заходили, хоть и хватались за рукояти ножей, торчавших из ножен, за-

ткнутых за пояс. Ну точно, свора, показавшая зубы. Пугают, но напасть не спешат.

– Тогда почему Кхыл говорит вместо жожака? – нисколько не рассердившись, спросил каан. – Или он хочет оспорить право брата?

Кийрамы замолчали, и я осознала смысл всей этой сцены. Танияр не стал просить отвести его к Улбаху. Просьба – показатель слабости, приказ – вызов. Как не стал вступать в препирательства, что тоже стало бы началом свары, он просто указал Кхылу его место, не проявив ни агрессии, ни слабости.

– Жожак говорит от имени племени, – заносчиво ответил Кхыл. – Иди, он готов тебя слушать.

И мы прошли, уже не забираясь в седла. Саулы шагали за нами, им повод был не нужен. Отличился только мой Ветер. Он приостановился, когда мы с ним проходили мимо пяти кийрамов, как-то очень оценивающе осмотрел Кхыла и показал ему зубы. Я велела:

– Не трогать.

– Мьяв, – ответил саул.

По его морде явно читалось, что мьяв означает «не больно-то и хотелось», по крайней мере именно такую интонацию я расслышала и укоризненно покачала головой. Ветер остался при своем мнении.

– Ты сказал, что придешь без оружия, Танияр.

Перед нами стоял высокий крепкий мужчина лет тридца-

ти пяти. Был он так же лыс, как и все кийрамы, глядел строго, но лицо казалось спокойным. Мужчина был далеко не привлекательным даже не из-за глубокого шрама, тянувшегося от переносицы к левому уху. Черты его казались тяжелыми и грубыми, но ощущение силы я уловила.

– Я свое слово держу, Улбах, – ответил каан. – При мне нет оружия, и мои ягиры оставили свои ленгены на подворье.

– У них ножи.

– У тебя и твоих людей тоже ножи. Мы на равных.

Улбах промолчал. Его взгляд скользнул по ягирам и остановился на мне. Вожак с минуту изучал меня, а после произнес до боли знакомую фразу:

– У тебя зеленые глаза. Ты пагчи?

– Улбах против пагчи? – спросила я в ответ.

– Нет, – ответил вожак и поманил нас: – Войдите в мою дверь.

Глава 3

Итак... Да, хотелось бы сказать, что переговоры продвигались вперед быстрым уверенным шагом, но... нет. Точнее, они, конечно, шли, но как-то совершенно непонятно для меня. Вожак и каан сидели друг напротив друга, скрестив ноги и уместив ладони на коленях, и молчали. Они глядели друг на друга, ни разу не отведя взора и не пошевелившись. Моргали, это не запрещалось, но продолжали испытывать друг друга на стойкость и душевное равновесие. Признаться, я уже пару раз поерзала, кашлянула, пытаюсь хоть как-то ощутить себя частью этой вселенной, где существовали две каменные глыбы, но так и осталась маленькой неприметной мошкой.

Мне думалось, что мы поднесем дары, заведем учтивую беседу, а может, сразу перейдем к делу, раз уж этот народ не терпит расшаркиваний. Будем обсуждать, объяснять, возможно, спорить, но придем к общим договоренностям, однако еще не было сказано ни единого слова.

Едва войдя в дом, вождь уселся на коврик, сплетенный из соломы, Танияр устроился на таком же коврике, и поединок начался. Мне осталось усестись прямо на пол за спиной мужа, потому что третьего коврика никто не расстелил, а лавки здесь попросту не было. И знаете, что я вам скажу? Утомительное это дело – переговоры с кийрамами. Не знаю, как

мой супруг, а я уже от них начала уставать. Однако выказать слабость было бы крайне неосмотрительно, и потому я, медленно выдохнув, устремила взгляд в пространство, и мысли вернулись к моим неосмотрительным высказываниям недавно.

О нет! Я не предавалась самобичеванию, это мы уже прошли, и урок был усвоен. Я раздумывала над тем, что сказала. Теперь уже мысленно я продолжала вести свою беседу, расходясь всё больше. Моя речь была блистательна, насыщена эпитетами и подкреплена примерами. Я была невероятно убедительна, и никто не смел мне возразить... возражать-то было некому. Потому я одержала быструю и безоговорочную победу, а после едва сдержала смехок, веселясь над собой. Однако вовремя опомнилась и нахмурила брови, придав себе суровый вид.

А молчание затягивалось. Главы двух народов позиций не уступали, они продолжали свое беззвучное сражение, и я протяжно вздохнула. Не знаю, сколько мы уже так сидели, но у меня затекли спина и ноги. Поерзав, я сменила положение, снова вздохнула и опять задумалась. Теперь у мыслей не было определенного течения. Я то возвращалась в дом названной матери, вспоминая наши с ней тихие вечера, когда под завывание вьюги я слушала напевные рассказы о Белом мире и его обитателях. То перемещалась в теплое лето в дом моего мужа, когда была его гостьей и уже он знакомил меня со своей землей. А после возвращалась в настоящее, и тогда

мысли принимали такой оборот, что улыбка сама собой трогала мои уста, и щекам становилось жарко от недавних воспоминаний.

Мотнув головой, я заставила себя не думать об объятиях каана и снова устремилась в холодную зиму. Теперь уже целенаправленно. Мне захотелось как следует вспомнить всё, что шаманка говорила о кийрамах. Однако сведения были общими, и ничего толкового на ум не пришло. Нет, разумеется, Ашит дала мне всю необходимую информацию, но к данному моменту она не подходила, потому что мама ничего не говорила о таких вот посиделках. И, перестав искать призраков, я вернулась в дом Улбаха, чтобы самой разобраться в происходящем.

Конечно же, я понимала, что главы тагана и племени испытывают друг друга. Улбах желал прощупать гостя, и от того, как пройдут их посиделки, зависит дальнейший успех переговоров. Эта часть была необходима, но к чему приведет итог и кто уступит первым? И поняла – уступит Танияр. Не потому, что слабее духом и менее терпелив, а потому, что так надо. Он выдержит ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы его признали достойным воином и человеком, но сдастся прежде вожака кийрамов, иначе наша поездка не будет иметь толка. Из гостя каан может превратиться в соперника, а это приведет к поединку. Вожак не может проиграть беловолосому. Хорошо, ждем, когда придет время сдаться. Знать бы еще, где находится эта грань... Ответа

мне, разумеется, никто не дал, и я продолжила ожидать, но теперь хотя бы понимала чего.

А время шло. Передумав уже, кажется, обо всем, о чем могла, я огляделась и тихонько, чтобы не отвлечь мужчин от их важного дела, перебралась к стене. А прижавшись к ней спиной, блаженно выдохнула – тело устало неимоверно! Из этого я сделала вывод, что сидим мы так уже не первый час. Но если я морально уже готова была просто встать и выйти из дома, то Танияр, как и Улбах, выглядел так, будто они заняли свои места только что, а не просидели всё это время, глядя друг на друга совершенно равнодушными спокойными взглядами.

Признаться, я ощутила раздражение. Зачем я поехала с кааном? За это время я могла заняться чем-то более полезным и нужным, но сижу здесь и изнываю от тишины и безделья! Впрочем, уже через несколько минут я фыркнула сама на себя. Сиди я сейчас на месте мужа, и переговоры закончились бы уже в эту минуту, так и не достигнув даже своего полноценного начала. И пусть на мне нет ответственности, которая лежит на Танияре, но показать, что его жена совсем не обладает терпением, не хотелось. Поэтому никуда я не вышла, нервничать перестала и ерзать тоже. Вновь затихла в более удобной позе и прикрыла глаза.

Мне хотелось расслабиться и отвлечься от всяких размышлений, чтобы дать разуму отдых. Я представила себе бой хота, пение моей матери и вой выюги за стенами малень-

кого дома вожака кийрамов. Картинка вышла столь яркой, что я даже поежилась, ощутив зимний холод. Однако сознание мое поплыло, и вскоре тихие звуки, доносившиеся с улицы, исчезли, оставив только глухое бум да беснование ветра и снега, разметавшие мир в своей необузданной ярости, а затем исчезли и они. Я проиграла свой бой и задремала.

– Эй. Эй, тагайни.

Мое возвращение в реальность ознаменовалось маленьким землетрясением и призывом прямо в ухо.

– Ах, – вздрогнув, я распахнула глаза и ошалело уставилась на женщину с резкими чертами лица, которая трясла меня за плечо.

– Идем, – сказала она и без всяких пояснений направилась к двери.

Я перевела взгляд на мужчин, но здесь ничего не изменилось, они всё еще сидели друг напротив друга. Затем вновь поглядела вслед женщине. Она обернулась, поманила меня рукой и вышла из дома. Мои колебания длились не больше минуты. Вряд ли здесь требовалось мое присутствие. Мой супруг не проявил тревоги или несогласия, на улице стоят ягиры, и ухожу я не сама, а по приглашению, значит, можно и принять его. И я поднялась на ноги. Уже на выходе я опять устремила взор на каана, однако он смотрел только на Улбаха. Ну и пусть любитесь дальше. Хмыкнув, я притворила за собой дверь.

И в ту же минуту мир обрушил на меня многообразие зву-

ков. Они были негромкими, но после долгой утомительной тишины я вслушалась в мелодию жизни с необычайным удовольствием. Прикрыв глаза, я подняла руки и ощутила, как ветер скользнул по ладоням ласковым касанием.

– Ты странная, тагайни, – услышала я и открыла глаза.

Уже знакомая мне женщина стояла неподалеку и наблюдала за мной. Улыбнувшись ей, я пожала плечами и, вдохнув полной грудью еще раз, огляделась. Ягиры расположились у соседнего дома, и компанию им составили Кхыл и четверо кийрамов, закрывших нам дорогу к вожаку. Еще несколько человек хоть и не подошли к нашим воинам, но стояли неподалеку и совсем «не обращали на них внимания», но явно прислушивались. Я усмехнулась – все-таки любопытны.

Заметив меня, Берик помахал мне рукой, я ответила ему тем же, но не подошла. Меня терпеливо ожидала женщина, и я не стала ее задерживать еще дольше. Мне хватило времени, чтобы разглядеть, что за нашими людьми поухаживали. В отличие от каана, которого испытывал вожак, воинов успели покормить, о чем свидетельствовали деревянные блюда, еще кое у кого стоявшие на коленях, и чаши, также вырезанные из дерева. Насколько я знала, кийрамы совсем не употребляли хмельных напитков, так что ягирам подали, скорее всего, воду. Но их это не расстроило, воины выпивали только в большие праздники. Разум защитников должен быть светлым.

Саулов я тоже увидела, они бродили неподалеку. Я уже

много раз говорила, этим животным привязь была не нужна, они от хозяев не отходили. В общем-то, в этом и заключалась повышенная ревность и задиристость моего Ветра. Его всадницу уволокли на глазах бедного саула, а он не смог ни помешать, ни защитить. Мой мальчик сильно переживал свою потерю и с тех пор с подозрением относился к каждому чужаку, и не только когда они оказывались рядом со мной и вызвали подозрения моего четвероногого друга и охранника. Потому Танияр при Ветре ко мне не прикасался, уважая чувства саула, ему этих касаний хватало, когда ревнивец уходил в ашруз. И по этой же причине Кхыл удостоился повышенного внимания и угроз со стороны моего скакуна.

Он единственный ждал недалеко от двери и, увидев, что я вышла, поспешил присоединиться. Я не стала его дожидаться, зная, что догонит, и направилась к женщине. Увидев, что я иду, она свернула за угол дома. Заинтригованная, я поспешила следом. Впрочем, интрига разрешилась сразу же. Там была открытая пристройка – кухня. Подобные я уже видела у некоторых домов, когда мы еще только ехали сюда. Здесь стояла круглая печь, представлявшая собой широкий конус, уходивший широким дном в землю. На верхней суженной части, сейчас накрытой решеткой, жарилось мясо.

Здесь же стоял стол, рядом с ним две скамьи. На стене висела необходимая утварь. Тут же я увидела и бочку, наполненную водой. Остановившись, я поглядела на женщину, и она указала на скамью.

– Садись, тагайни.

– Мое имя – Ашити, – представилась я. – Я жена каана Танияра.

– Сильный воин, – кивнула женщина. – Мой Улбах тоже сильный. Долго еще сидеть будут.

Присев на лавку, я с новым интересом посмотрела на женщину. Значит, все-таки жена. Женщина была, как и все кий-рамы, суровой и не улыбочливой, одета в ту же простую серую одежду, и волосы, заплетенные косу, спускались ниже седла лица. Волосы ее были красивыми, густыми, коса толстой. И это было единственным, что оказалось в женщине красивым. Фигурой она была коренастая, широкоплечая, руки казались сильными и грубыми. Но это и понятно, здесь прислуги не имелось. Наверное, я виделась ей хрупкой и изнеженной, что, в общем-то, было правдой.

– Как твое имя? – спросила я.

– Дайкари, – ответила она, споро набирая голыми руками горячее мясо с решетки на деревянное блюдо. Затем поставила блюдо передо мной и велела: – Ешь.

– Спасибо, – ответила я.

Дайкари уселась напротив, облизала пальцы и воззрилась на меня с интересом. Признаться, сей пассаж у меня несколько отбил аппетит, терзавший меня с той минуты, как я ощутила запах мяса. Но отказываться есть в данной ситуации было бы неблагоразумно. Уговорив себя, что до подачи мяса женщина пальцы не облизывала и вообще руки у нее были

чище воды в ручье, я взяла первый кусок мяса.

– У тебя зеленые глаза, – сказала Дайкари. – Но ты не пагчи. Неужели тагайни позволили кому-то из своих привести в таган дитя Дурпака?

Я отметила, что в этом племени слова и имена произносятся без всяких искажений.

– Я не пагчи, – ответила я. – Я даже не родилась в этом мире. Я попала сюда зимой, на священные земли. Ашит нашла меня, выходила и назвала дочерью. Белый Дух меня принял и сделал два подарка.

– Какие? – спросила Дайкари, и я ощутила изумление от того, что она никакого изумления не испытала. Просто приняла мои слова, и всё. Впрочем, как и пагчи. Так что удивляться я сразу и перестала.

– Он дал мне дар слова своего мира и волосы...

– Ты была без волос?

Я поперхнулась. Хотя... Женщина принимала мои слова буквально, а я не сказала про цвет, так что можно подумать, что и вправду волос не было... Я усмехнулась и отрицательно покачала головой:

– Нет, волосы у меня были. Но они не были белыми.

– А какими были?

– Как огонь, такого цвета, – улыбнулась я.

– Красиво, – кивнула Дайкари. – Но с тагайни нужны белые волосы, другие не признают.

– Мой муж видел меня с рыжими волосами, – ответила

я, пожав плечами. – Они ему очень понравились. У меня необыкновенный муж. Пагчи его уважают. Мы с ними дружны. Хорошие люди.

– Тагайни не дружат с теми, кто на них не похож, – отмахнулась Дайкари, и я почувствовала себя уязвленной, будто меня назвали лгуньей. – Они нападают на нас.

На моем лице осталось благожелательное выражение. Я улыбнулась:

– Разве же они доходили сюда хотя бы раз? – любопытствовала я. – Тагайни жгли ваши дома?

– Нет. Если бы они вздумали сюда прийти, то не ушли бы живыми.

– Значит, войны у вас никогда не было, – мягко заметила я. – А если не было войны, то разве можно сказать, что тагайни на вас нападают?

– Они мешают нам охотиться.

– Всего лишь охраняют свои границы.

– У зверя нет границ, он идет, куда хочет.

– Но вы люди, – напомнила я. – И тагайни люди.

– У нас свой закон...

– И у них свой закон, – снова возразила я. – Разве закон могут иметь только кийрамы? Почему вы отказываете тагайни в этом праве? Люди с Зеленых земель никогда не вторгались в ваш лес. Скажи мне, уважаемая Дайкари, разве кааны Зеленых земель приходили к вам, как тагайни Белого камня приходят к пагчи? Будь справедлива.

– Не приходили, – признала женщина.

– Значит, тагайни Зеленых земель нападали только тогда, когда вы переходили через их границу. Это не война, это – оборона. Что скажешь, Дайкари?

– Мы не нападали на таган, – возразила она. – Зачем от нас обороняться?

– Мой муж тоже так подумал, – заверила я. – Каан хочет жить иначе. Он пришел к пагчи, и они приняли его и даровали свою дружбу. Они спасли меня от прислужников Илгиза и позволили жить с ними, сколько понадобится. Пагчи – очень хорошие и добрые люди, я уважаю их всем сердцем. И мой муж уважает пагчи, а они уважают нас. И кийрамов мы уважаем, потому приехали как добрые соседи, а не враги.

Женщина склонила голову к плечу и некоторое время рассматривала меня прямым немигающим взглядом. Мне стало неуютно, но я заставила себя выдержать и сохранить на лице прежнюю благожелательную улыбку. Наконец Дайкари подперла щеку кулаком и спросила:

– Какой твой мир? Там все дружат?

– Почему ты так решила? – любопытствовала я.

– Ты говоришь об уважении племен. Тагайни смотрят на нас свысока, а ты хочешь дружить. Так в твоём мире? Вы все дружите?

Отведя взгляд в сторону, я невесело усмехнулась:

– В моём мире всё иначе, – ответила я. – Там есть дружба, но много высокомерия. Очень много. Тагайни простые люди,

они лучше многих тех, с кем я жила раньше. Я плохо помню свою прошлую жизнь, но хорошо помню мир и его порядки. Тебе бы там не понравилось, Дайкари. Там нельзя охотиться, где захочешь. Если лес принадлежит правителю... вожаку, то за охоту в нем могут посадить в клетку или отрубить руки, как вора.

– Дикий мир, – констатировала женщина, и я сдержала улыбку, лишь согласно кивнула. – Человек не может быть хозяином леса, только духи имеют власть над жизнью. А почитают ли у вас духов?

– Мы называем их богами, – сказала я и ненадолго замолчала, пытаясь вспомнить хоть что-то о создателях моего мира. Однако попытки эти не увенчались успехом. О религии из прошлого я помнила только, что она была, что люди отмечают праздники, что ставят храмы и посещают их. Но ничего более конкретного, даже имена богов, назвать не могла. Вздыхнув, я призналась: – Большого я не помню. В этом мире я почитаю Отца. – Замолчала ненадолго и вдруг добавила: – И еще ветер.

– Ветер? – теперь в глазах кийрамки отчетливо проступило удивление. – Ты поклоняешься Нушмалу, как хигни?

Нушмал – один из братьев Белого Духа. Он нес ответственность за смену дня и ночи, и его постоянным спутником была птица арзи, также входившая в символику Зеленых земель. Птица эта была легендарная, существовала реально, но я ее не видела ни разу. Танияр рассказывал, что арзи оби-

тают на дальней границе тагана, рядом с пастбищами, куда уводили саулов.

– Там стоят горы, – говорил мой каан. – Высокие зеленые горы. Там и живут арзи.

Эти птицы, как рассказывала шаманка, были самыми быстрыми в Белом мире:

– В их крыльях живет ветер.

Так что моему откровению Дайкари нашла самое логичное объяснение. Что до хигни, то этот народ обитал по другую сторону земель кийрамов. О них я знала мало. Только то, что живут в землянках и носят одежду двух цветов: белого и черного – день и ночь. Мама мало говорила о них, должно быть полагая, что я никогда с ними не столкнусь из-за удаленности проживания. А может, и сама знала немного. Я решила попытаться узнать об этом племени побольше, когда будет возможность, у кийрамки спрашивать не стала. Не ко времени вопросы.

– Я почитаю Нушмала, как и всякого старшего и младшего духа, – ответила я. – Но моя любовь к ветру имеет иную природу. Мне порой снится мой старый мир, в этих снах ветер всегда рядом. Иногда мне кажется, что я слышу, как он разговаривает со мной... даже здесь.

– Что слышишь? – Дайкари навалилась грудью на стол.

– Он говорит, что всегда рядом, что не оставит меня, – ответила я и смутилась.

Отчего-то это признание показалось мне чем-то интим-

ным, что было только моими и совершенно непонятным окружающим. Даже Танияру я еще ни разу не говорила о том затаенном чувстве, которое я порой ощущаю к ветру. И саулу я дала имя не из-за скорости бега, а потому что поделилась с ним тем, что было мне дорого. Но в чем была причина этой любви, я не смогла бы ответить. И вдруг огласила то, что лежало на душе совершенно чужой мне женщине. Будто разделась перед ней, право слово.

Однако Дайкари удовлетворилась моим ответом, не став ничего уточнять. Ей мои переживания были неинтересны. А вот следующий вопрос оказался закономерен, потому что был близок привычкам и нраву кийрамов:

– Что за звери живут в твоём мире? Они похожи на наших?

– Нет, – улыбнулась я, радуясь смене темы беседы. – Они совсем не похожи на местных животных, но есть среди них и хищники, и те, кому назначено быть добычей.

– Расскажи, – вновь в повелительной манере произнесла женщина.

– Непременно расскажу, – согласилась я, – но прежде до-ем угощение.

И пусть угощение так и не вызвало желания его съесть, но я заставила себя откусить от куска, который успела снова положить на блюдо. Не ради насыщения, а исходя из наставлений Танияра. Кийрамка уже избрала повелительную форму общения. Я бы восприняла это без всякой претенциозности,

потому что нашей целью было подружиться с племенем, а значит, любезное общение подразумевалось само собой. Однако, памятуя о том, что послушание может быть расценено как показатель слабости и готовность к подчинению, я решила не позволить Дайкари взять надо мной верх даже в малом. Каан сказал на равных, значит, на равных. Она спросила – я ответила, теперь пусть подождет, пока утолю голод.

Эти мысли подавили брезгливость, и я некоторое время ела суховатое мясо. Чувствовалась нехватка приправ и соусов, коими изобиловал стол тагайни. Что ни говори, а в поварском искусстве любимые дети Белого Духа ушли далеко вперед, от кийрамов так уж точно. У тех же пагчи еду приправляли травами, но не имелось такого изобилия блюд, как в таганах. А здесь и вовсе мясо было приготовлено без всяких затей, но ради дела я даже посмаковала, помычала от удовольствия и причмокнула, так похвалив хозяйку.

Дайкари поставила передо мной стакан с водой. Я выпила и ее неспешными глотками, поглядывая по сторонам, но не нарушая молчания. Скажем так, мы сейчас тоже состязались в терпении. Кийрамка хранила невозмутимый вид, а уж что чувствовала на самом деле, я бы сказать затруднилась. Может, и вправду не ощущала досады или раздражения.

– Где можно ополоснуть руки? – спросила я, отставив в сторону блюдо и стакан.

– Там, – женщина кивнула на небольшую лоханку, стоявшую рядом с бочкой.

Кивнув ей в ответ, я поднялась из-за стола и направилась к лоханке. Здесь я обнаружила ковшик, которым зачерпнула воды из бочки. А дальше я пришла в некоторое замешательство, размышляя, стоит ли просить Дайкари полить мне на руки, или же обойтись без ее помощи. С одной стороны, моя просьба может быть истолкована как попытка указать и подчинить, с другой – как слабость человека, который не может позаботиться о себе сам. Ни первое, ни второе меня не устраивало, и потому я просто налила воды в лохань и помыла руки. А пока мыла, ощутила раздражение оттого, что в этом племени приходится раздумывать над каждым шагом. Что можно, чего лучше не делать, как сказать, как поблагодарить – ужас!

И вроде простой народ, живет по самым примитивным законам, но, находясь у них, ощущаешь себя повязанной условностями, будто путами. Бросив взгляд в сторону ягиров, я увидела, как они непринужденно разговаривают с кийрамами. Наши воины тоже вносили свою лепту в переговоры, но на другом уровне. И знаете, что я скажу? Я была восхищена воинством Зеленых земель. Правда! Не только здесь, но вообще.

Они с кааном были словно звенья одной цепи. Что бы он ни решил, ягиры уже были со всем согласны. Ни споров, ни сомнений – полное доверие своему главе, и он отвечал им тем же. Воины могли подшутить над кааном, и он смеялся с ними, но стоило Танияру поднять руку, как поток веселья

иссякал, и на лицах застывало почтение и готовность исполнить любой приказ. Удивительное единодушие. И теперь, когда я узнала их лучше, мне было проще поверить в справедливость права выбора алдара. Ягиры выбирали не командира, они признавали главу своей большой семьи. И все-таки я продолжала считать, что этот обычай должен быть искоренен. Армия должна подчиняться правителю и никак иначе. Кто владеет армией, тот держит власть крепкой рукой.

Однако я сильно отвлеклась, а потому вернемся к дому вожака кийрамов, точнее в открытую пристройку, где я как раз закончила мыть руки и огляделась в поисках полотенца. Не найдя, я стряхнула с ладоней лишнюю влагу и обернулась к Дайкари. На моих губах была вновь улыбка.

– Я расскажу тебе о животных моего мира и нарисую их, – произнесла я, вспомнив, как пагчи понравились мои рисунки. – Где есть земля без травы?

– Я покажу, где можно рисовать, – ответила кийрамка, и мы покинули кухню.

Ветер ткнулся мне в плечо носом, как только я вышла из-под деревянного навеса. Потрепав его, я бросила взгляд на ягиров и увидела, что Берик покинул воинов и направляется следом, а за ним и верный саул Элы. Сейчас он ничего не жевал, но вид хранил привычный – философский. Дайкари бросила взгляд через плечо на наше сопровождение, но ничего говорить не стала и продолжила путь. Ну и мы, конечно, тоже.

Наше путешествие закончилось у большой темно-серой глыбы с белыми разводами. Я провела пальцем по белесому следу и тихо хмыкнула — это и вправду был мел. Куски белого мелового камня лежали на небольшом выступе. Я взяла один и посмотрела на кийрамку:

— Что вы рисуете?

— Разное, — ответила она. — Мужчины рассказывают, как прошла охота. Женщины рисуют, если что-то случилось, пока мужчин не было. Любой может подойти и посмотреть. Никто не станет тогда расспрашивать, просто поглядят и всё узнают. Если рассказать нечего, камень молчит.

— Хм... удобно, — пробормотала я. — Этакая газетная тумба.

— Что? — спросила Дайкари, и я пояснила ей о большой круглой тумбе из моего мира, на которую наклеивали газеты и афиши о спектаклях. — Мир дикий, но есть умные вещи, — оценила женщина. — Рисуй.

В этот раз я не стала сопротивляться или оттягивать, тем более за нами подошли и кийрамы, которым, разумеется, совсем не было любопытно, просто это оказалось лучшее место, чтобы поговорить о своих делах. Едва заметно усмехнувшись, я начала рисовать. И вновь, как когда-то у пагчи, когда также рисовала им воспоминания о своем мире, я ощутила удовольствие. Правда, пагчи было интересно всё, что они видели и слышали, а кийрамов интересовало лишь зверье. Им я и ограничилась.

Начала я с хищников, потому первым на камне появился волк. Кийрамы, следовавшие за нами, подошли ближе и уже не нарушали молчание разговорами, они слушали и смотрели на то, что появляется на поверхности камня. Они переходили следом за мной вокруг нашего мольберта, и когда свободное место закончилось, погнали мальчишку лет семи за водой и тряпкой.

Постепенно начали появляться вопросы, на которые я отвечала по мере своих знаний, а их было не так уж и много. Пока разговор шел об окрасе, размере животного и привычках его обитания, я еще говорила подробно и уверенно, но когда начались вопросы о повадках и о том, как лучше выследить зверя, я только развела руками и вынужденно призналась:

– Я не люблю охоту.

– Не любишь? – изумились кийрамы и не поверили мне: – Такого не бывает.

– Бывает, – ответил за меня Берик. – Тагудар смотрит на Ашити с любовью, когда она оплакивает убитого зверя.

– А мясо ест, – отметила Дайкари.

– Когда я не вижу убитого зверя, мясо для меня остается просто куском еды, – сказала я.

– А если увидела убитого зверя? – заинтересовался пожилой кийрам.

– Есть не станет, – вновь ответил за меня ягир и перевел разговор в более удобное русло: – А наш каан – знатный воин

и охотник.

Дальше Берик рассказывал о том, как быстр, меток и ловок Танияр. Его слушали внимательно, и кто-то даже покивал, соглашаясь.

– Дрались мы с ним, – подал голос еще один кийрам. – Хороший воин.

– А зимой сам на ножи наши сунулся, – донесся новый голос.

Мы с Бериком одновременно повернули головы, пытаясь рассмотреть того, кто нанес Танияру страшные раны зимой. Он и не прятался, как не выказывал высокомерия, насмешки или вины. Молодой кийрам лет двадцати трех – двадцати пяти просто констатировал факт того, что произошло когда-то.

– Так пожелал Отец, – заговорила я. – Он отвел глаза ягирам и заманил Танияра в западню. Это замысел Белого Духа.

– Выходит, смерти вашему каану Белый Отец пожелал, – произнес старик.

– Нет, – улыбнулась я. – Жизни. А мне позволил вывести Танияра из предсмертного мрака, пока моя мать творила ритуал.

– Как это? – любопытствовали кийрамы, и ответил им уже Берик:

– Ашити – дочь вещей Ашит. Не был бы ранен наш каан, не попал бы к шаманке и не встретился с Ашити. Отец их свести пожелал, вот и застил глаза и ему, и нам. Захотел,

чтобы ваши раны привели Танияра в дом Вещей, где он и увидел дочь шаманки.

– Шаманка старая, – резонно возразил старик. – Даже меня старше. Не может быть у нее дочери.

– Может, – произнесла Дайкари, и все поглядели на жену вожака. – Ашити пришла зимой в священные земли из другого мира. Шаманка ее нашла, выходила и назвала дочерью. А потом, выходит, Белый Отец привел туда и каана. Теперь они муж и жена. На всё воля Создателя.

– Велик Белый Отец, – покивали кийрамы, приняв открывшуюся им истину, и попросили: – Рисуй еще.

Время продолжало свое неумолимое течение. День постепенно клонился к своему завершению. Верхушки деревьев уже щекотали жаркое брюхо солнца, и сумерки успели сгустить тень и растянуть ее над благодатными землями Белого мира. Камень для рисунков уже давно был испещрен изображениями невиданных прежде зверей и птиц, и теперь вокруг него ходили те кийрамы, которые предпочли остаться в стороне от уже сформировавшейся компании... или стаи, как было ближе моим новым знакомцам.

А мы успели вернуться к ягирам и тем, кто был рядом с ними, ненавязчиво приглядывая и развлекая разговорами. Впрочем, беседа давно стала общей. Как-то сама собой она подошла к событиям, которые привели к смене каана в Зеленых землях, к знакомству с пагчи и к илгизитам.

– Пусть сгниют они заживо! – рявкнул Кхыл, показав свое

отношение к последователям Илгиза.

– Пусть глаза им выжрут земляные усэндэ, – поддержал собрата кийрам, встречавший вместе с братом вожака нашу делегацию.

Кстати, усэндэ – это местная разновидность червей, пожиравших плоть не только мертвецов, но и живых существ, если они были обессилены или обездвижены и не могли защититься. И такая казнь имела место у кийрамов, ей подвергались насильники или убившие соплеменника преднамеренно. Мама говорила, что такое происходит редко, но случается. Тогда кийрамы разрывали землю в месте обитания усэндэ и клали туда обнаженного и связанного душегуба.

К месту казни мог подойти любой, но стояли и назначенные для охраны воины. Они не позволяли родне облегчить страдания убийцы быстрой смертью или освободить его и дать сбежать. Следили за процессом исполнения наказания и добивали, когда человек превращался в кровоточащий кусок мяса без кожи, глаз и губ. А после оставляли червям их остывающее пиршество и уходили. Так что кара была страшной, и преступлений у кийрамов практически не было.

Тагайни, в зависимости от тяжести преступления, чаще использовали яд, который преступник выпивал добровольно, чем очищал свое имя после смерти. Перерезали горло, если наказуемый отказывался от яда. При менее тяжких грехах изгоняли из тагана и запрещали возвращаться под угрозой смерти. Ну а прелюбодеев-мужчин, как я уже когда-то

рассказывала, привязывали к столбу за поселением и вверяли его судьбу духам. Женщин просто выселяли на окраину, лишая рода и защиты. В общем, любимые дети Белого Духа были даже добрее и милостивее. Может, потому и преступлений у них хоть и не шли лавиной, но случались чаще, чем у тех же кийрамов.

Что до пагчи, то их было мало и между собой они поддерживали дружбу. В этом племени преступлений не было, ну, может быть, раз лет в двадцать-тридцать. Там наказание носило форму ритуала. Преступника привязывали к дереву, а дальше мужчина – родственник убитого первым стрелял в убийцу из лука. Мог убить сразу, а если только ранил, то лук брал следующий мужчина или женщина. Мама говорила, что одной-двух стрел достаточно, редко было больше. Потом покойного, искупившего грех своей кровью, отвязывали и хоронили со всеми почестями, как и любого другого жителя племени. А с изменниками супруги сами разбирались, как считали нужным, хотя измены случались чуть чаще убийств.

У кийрамов же измен вообще не было, потому что жили по законам животного мира, и для образца был взят йартан – тот самый зверь, которого Хайнудар лишил возможности сбиваться в стаи, пара им выбиралась один раз и до конца жизни. Потому закон тагайни, позволявший жениться второй, а то и третий раз, не говоря уже о каанах с их правом тройного супружества, вызывал у обитателей племени недоумение и даже презрение, что мы выяснили во время нашей

общей беседы.

– Танияр отказался от права иметь трех жен, – сказала я в защиту мужа. – Он выбрал меня одну, и другой жены у него уже не будет.

– Это правильно, – тут же закивали кийрамы. – Ваш каан – мудрый человек.

Я скрыла улыбку. Продвижением дипломатической миссии я была довольна. Ягиры общались с кийрамами на равных, ни разу не вспомнив старых обид и драк, впрочем, как и их оппоненты. Мы недурно сблизились и общались уже намного проще, чем вначале. Я даже заметила, что и кийрамы умеют растягивать губы в улыбках. Правда, были они сдержанными, но все-таки были, а это уже что-то да значит. Что бы ни решил в итоге вождь, а лед сегодня дал первую трещину. Хотя, конечно, будущее зависело именно от Улбаха. Если посчитает каана слабым и недостойным, то все наши разговоры с людьми могут остаться только временным перемием. И потому только Танияр мог по-настоящему протянуть мост между своим народом и соседним племенем. Я в него верила всем сердцем.

А время продолжало свой неумолимый бег. Пока мы беседовали и дружно посылали проклятия на головы отступников и их божества, дверь в доме Улбаха и Дайкари наконец открылась. Главы двух народов показались на пороге, и разговор, только что бурливший, смолк. Взгляды устремились на каана и вожака. Каан поймал мой взгляд, и я заметила,

как по губам его тенью скользнула едва приметная улыбка. Улыбнувшись в ответ, я поняла, что он достиг нужного результата – вожак кийрамов признал его за равного.

– Дайкари, – позвал Улбах, – неси еду, пора встретить гостей как полагается.

И люди пришли в движение. Дайкари подняла руку, и за ней устремились женщины и несколько мужчин. От начавшейся круговерти в первые минуты зарябило в глазах, но вскоре стало понятно, что ничего хаотичного не происходит. В каждом действии был свой порядок и слаженность, и картина происходящего становилась всё четче с каждым мгновением. Нам готовили прием, по традициям кийрамов разумеется.

И пока обитатели племени были заняты, мы оказались предоставлены сами себе. Улбах тоже ушел, и Танияр приблизился ко мне и ягирам в одиночестве. Он приобнял меня за плечи, и я, накрыв талию каана ладонью, прильнула к нему. После заглянула в лицо и увидела ласковую улыбку.

– Соскучилась, – шепнула я мужу, и он ответил коротким поцелуем в губы. А когда Танияр распрямился, я заметила: – Долго вы сидели, я уже думала, что до темноты не выйдете.

– Могли и до темноты, но у Улбаха пот выступил, – усмехнулся каан. – Я не стал больше ждать. Мы не состязаться приехали, а разговаривать о дружбе.

– Ты сдался, – понятиливо кивнула я.

– Да, – снова усмехнулся Танияр. – Вожак посидел еще

немного, чтобы показать свою силу, а потом «смилостивил-ся» надо мной и прервал испытание.

– Почему ты не сказал, что будет испытание? – спросила я.

– Откуда же мне было знать? – супруг пожал плечами. – Я кийрамов знаю не больше других. Понял, только когда Улбах уселся и замер. Я просто повторил за ним и немного подождал, что будет дальше. Дальше ничего не изменилось, и я принял вызов. Почему ты не вышла к ягирам, когда поняла, что это испытание?

– Хотела, чтобы думали: у сильного каана достойная его жена, – ответила я. – И не хотела выглядеть слабой.

Танияр, крепче прижав меня к себе, рассмеялся. Я подняла на него вопросительный взгляд, и он снова поцеловал меня, теперь в щеку. Поцелуй вышел звонким, и я ощутила возмущение. Не от звонкого поцелуя, конечно, а от причины, которой был вызван и поцелуй, и смех. Мужа развеселили мои слова.

– Ты не выглядела сильной, но была очень упрямой, – задорно сверкая глазами, ответил каан. – Вдыхала, ерзала, пыхтела, потом и вовсе заснула и засопела на весь дом, даже что-то бормотала.

– Я не бормотала! – возмутилась я и соврала: – И вообще не спала. Я думала.

– Я слышал, – хмыкнул Танияр. – Только ни слова не понял.

Вздернув подбородок, я отвернулась, так скрыв досаду и

неловкость от происходившего в доме жоака. Бормотала... Ужас какой! Было невозможно стыдно представить свой нечленораздельный сонный лепет. Хвала Белому Духу, хотя бы не храпела, это был бы и вовсе позор. И пока я терзала себя муками совести из-за жуткого поведения, недостойного благородной дамы, что мне яростно нашептывала на ухо память, Танияр развернул меня к себе лицом и, удержав за подбородок, мягко велел:

– Хватит. Не из-за чего сердиться и ругать себя. Ты не была сильной, но показала, что ценишь дело своего мужа и заботишься о нем. Я был рад, когда жена Улбаха тебя забрала. Мне было жалко тебя, но я гордился, что у меня такая женщина. Тебе было тяжело, но ты терпела и не вмешивалась. Лучше расскажи, чем вы занимались, пока мы состязались в выносливости.

– О-о, – протянула я, ощутив, как загораются мои глаза, – у нас тут было очень интересно...

А пока я рассказывала, сумерки окончательно сгустились, но темнота задержалась совсем недолго. Вскоре, словно светлячки, начали зажигаться факелы на высоких ножках, воткнутых в землю. И в их свете стало видно соломенные коврики, разложенные широким кругом. Перед ковриками стояли большие деревянные блюда с мясом. Кроме этого, я увидела лепешки, зелень, птичьи тушки и высокие глиняные кувшины, но что в них было налито, пока оставалось гадать. Скорее всего, вода, хотя делать выводы прежде времени я

не стала. Кто знает, возможно, кийрамы еще удивят.

Факелы были воткнуты в землю за ковриками, их света хватало и на центр огромного круга, образованного «пиршественным столом». Для чего нужно это место, пока оставалось неясным. Никто из тагайни не бывал раньше на таких приемах, потому не только я испытала любопытство, было оно написано в глазах и каана, и ягиров. Даже, кажется, саулы посматривали на круг с интересом, правда, им предстояло остаться сторонними наблюдателями в отличие от своих всадников.

А вскоре вернулась Дайкари. Она взяла за руку Танияра и повела его к разложенным коврикам. Я пошла с ними, потому что каан и не думал убирать руку с моего плеча. Он кивнул ягирам, и они последовали за нами. Не было сказано ни одного слова, но мой супруг оказался прозорлив, потому что кийрамы приглашали к столу только главу гостей, а он звал тех, кого считал нужным усадить рядом с собой. Так что непонимания, как я опасалась, не возникло. Напротив, Улбах, ждавший нас, чуть приподнял уголки губ в улыбке и произнес:

– Кийрамы рады разделить добычу с гостями.

И мы расселись на коврики. Дайкари налила мужу в стакан содержимое кувшина, после налила Танияру и уселась по другую сторону от Улбаха. Теперь каан взял кувшин, стоявший между нами, и налил мне, а я налила уже Берику, он следующему ягиру. Нечто подобное происходило напротив

нас – кийрамы ухаживали друг за другом.

Стараясь не привлекать внимания, я принялась к напитку и уловила знакомый запах ягод имшэ, но был он искаженным кислой ноткой брожения.

– Имшэсой, – шепнул мне Берик. – Это брага из имшэ.

Улыбнувшись своему телохранителю, я вернула стакан на место и продолжила наблюдать за развитием событий. А дальше был ужин. Мы просто насыщались, время от времени запивая еду брагой, будто это была простая вода. Не было тостов или специально отведенного времени для хмельного напитка. Если имшэсой у соседа заканчивался, ему подливали. Кийрамы пили уверенно, а я осторожничала, опасаясь опьянеть. Напиток в таком виде был мне незнаком, и, к чему приведет обильное возлияние, я не знала. Впрочем, Танияр и ягиры тоже не усердствовали.

А когда голод был утолен, стало понятно, для чего было оставлено так много места между ковриками. В круг вышел раздетый по пояс мужчина, и началось настоящее представление. Сначала послышались глухие удары, будто кто-то бил в хот. Я даже вытянула шею, на миг поддавшись иллюзии, но, конечно же, шаманки здесь не было. Зато я увидела еще одного кийрама, и в руках его не было хота, зато между ног стоял суженный книзу небольшой барабан, по которому он бил ладонью. И, потеряв интерес к музыканту, я вернула внимание тому, кто стоял в круге.

Мужчина стоял, не двигаясь с места. Глаза его были рас-

пахнуты, но взгляд показался мне пустым. Он едва заметно раскачивался из стороны в сторону в такт ударам по барабану. И когда ритм участился, кийрам замер, а потом тонко лязгнул еще один инструмент, невидимый мне и незнакомый, мужчина, будто подломленный, согнулся пополам. Пальцы уперлись в землю, и он преобразился.

Движения, несмотря на неудобную позу, стали плавными и даже грациозными. Кийрам повел плечами, живо напомним кошку, готовую к броску, а затем зашагал на четырех конечностях. Вдруг припал на живот, вытянув вперед руки, и принялся. Я поглядела туда, куда «зверь» устремил взгляд, и увидела еще одного кийрама, такого же полугололого и босого.

Новый участник действия тоже передвигался на четырех конечностях, но иначе. Его движения были более резкими. Походка перемежалась шагами и порывистыми прыжками, то вперед, то боком. Мужчина вскидывал голову, настороженно озираясь, но продолжал свои прыжки, не замечая «хищника», пристально следившего за ним под усилившуюся какофонию звуков. И когда прыгун был неподалеку от крадущегося к нему охотника, тот бросился на свою жертву разжавшейся пружиной. «Хищник» размахнулся и ударом «лапы» «распорол» горло добыче. Прыгун затих.

– Это же йартан! – воскликнул вдруг Берик. – Точно йартан!

– Ага, – кивнул его сосед-ягир, – таба поймал.

Поясню. Таб – это травоядное животное, которое, наверное, можно было отдаленно сравнить с ланью. Ну и продолжим. Пока йартан «наслаждался пиршеством», в круг вышли еще четверо полуголых мужчин. Эти тоже были хищниками. Я их не опознала, но Танияр, чуть склонившись ко мне, сказал:

– Рырхи. Сейчас, похоже, сцепятся с йартаном.

И оказался прав. Стая «рырхов», «уловив запах крови», направилась к первому кийраму. Было любопытно посмотреть на это представление особенно потому, что ягиры и кан одобрительно хмыкали и кивали, легко опознавая повадки зверей, которых изображали люди. В природе я бы всего этого видеть не хотела, а вот так вот было даже поучительно.

Тем временем вожак рырхов издал горловой звук, и стая разделилась. Они обходили йартана, но тот почуял противников и вскочил на лапы над растерзанной тушей таба. Разумеется, я говорю всё это иносказательно, добыча была жива и здорова, только лежала, не подавая признаков жизни.

– Йартана порвут, – уверенно сказал Берик.

Но порвать его никто не успел. Потому что в самый эпический момент, когда рырхи готовы были наброситься на йартана, на «сцене» появились новые актеры. Крались они на ногах, в руках держали луки и стрелы без наконечников – охотники. Рырхи развернулись навстречу новому врагу, готовые вступить с ним в схватку. Охотники натянули тетиву, но не выстрелили даже без наконечников, просто кинули

стрелы в рыхов. И пока звери сражались с людьми, йартан ухватил свою добычу и потащил ее в сторону. Добыча помогала, споро перебирая руками и ногами.

Я рассмеялась, забавляясь тем, как хитрый хищник воспользовался ситуацией в свою пользу. Пока охотники убивали тех, кто покушался на него и его добычу, йартан благоразумно ретировался, не забыв прихватить свой обед.

– Йартан мудрый, – со знанием дела произнес Улбах.

– Мудрый зверь, – поддакнул Танияр.

Я ожидала, что он добавит ради справедливости, что если бы не охотники, то мудрому зверю пришлось бы несладко, но каан промолчал. Почему – я понимала. Кийрамы выбрали себе примером именно этого хищника, и ссориться из-за очевидного Танияр не стал. Ягиры тоже промолчали, хотя тихую усмешку я все-таки расслышала, на которую Берик согласно кивнул.

Охотники ухватили за ноги убитых рыхов и утащили их из поля зрения. Мне подумалось, что на этом представление закончится, но нет. В круг снова вышли мужчины, но теперь они были одеты полностью, а их лица оказались вымазаны сажей и выглядели жутковато в свете факелов. Их было шестеро, и в руках они сжимали ножи с закругленными клинками. В этот раз бил только барабан, остальные инструменты молчали.

Это был странный, но завораживающий танец. Двигались танцоры резкими дергаными движениями, то сходясь, то

вновь расходясь. Свет факелов отражался от острых клинков, чертивших в ночи ломаные линии. Это был невероятно красивый в своей дикости и необузданности танец. Я следила за кийрамами, кажется даже не моргая, и сердце мое отбивало бешеный ритм вместе с ударами ладоней по поверхности барабана.

– Как же восхитительно, Танияр! – не сдержавшись, воскликнула я. – Как красиво!

Улбах покровительственно улыбнулся, явно одоббив мой порыв. После этого Дайкари подошла и наполнила мой стакан, похоже, так выказав уважение не только каану, но и его жене. Я улыбнулась в ответ и выпила разом половину стакана. Жена вожака кивнула и вернулась на свое место. А следом за этим я ощутила горячую ладонь Танияра на своей талии. Он притянул меня ближе и шепнул:

– Твоя чистота по нраву кийрамам.

– И твоя сила, – улыбнулась я. Каан коснулся моего виска губами, и мы вернули свое внимание танцорам, потому что представление продолжалось.

Уезжали мы из племени уже глубокой ночью. Мне казалось, что я усну еще в седле, настолько была уставшей. Впрочем, день оказался приятным и познавательным, а вечер и вовсе интересным, потому настроение мое было приподнятым. Наш визит удался, и это можно было сказать без лишней скромности. И испытание, которое Танияр прошел с честью, и наши беседы с кийрамами на протяжении дня, и ве-

чер, когда нас приняли как дорогих гостей, и последующий разговор вожака и каана, который закончился ответным приглашением, – всё это вселяло надежду, что сегодня родился новый союз. Мы были открыты для дружбы, оставалось надеяться, что племя примет протянутую навстречу руку.

Глава 4

Небо сегодня хмурилось, обещая дождь, но угроза непогоды не могла помешать насущным делам. Каан собирался в отдаленное поселение, и я напросилась с ним. Тому было несколько причин, и по одной из них Танияр не спешил дать согласие. Однако через пару дней после отказа все-таки ответил согласием. Нехотя, но позволил сопровождать себя.

– От меня ни на шаг, – строго велел он утром, когда мы собирались. – Только рядом, куда бы я ни пошел. Захочешь что-то посмотреть – ждешь, пока я буду свободен, а потом мы идем, куда скажешь. Своеволия не допущу. Там я даже ягирам тебя не доверю.

– Хорошо, жизнь моя, – я согласно кивнула. – Я стану твоей тенью, клянусь.

Каан остановил на мне внимательный взгляд, и я ответила честным взором. В этом я была искренна. Обманывать мужа и своевольничать я не собиралась, особенно зная причину его беспокойства – рядом находился Каменный лес. И именно поэтому Танияр отказывался брать меня с собой, а я, напротив, хотела поехать. Это было чистое любопытство. Я так много слышала о нем, но не видела ни разу. И вдруг такой случай! Разумеется, я не могла упустить возможности поглядеть на место, где вершится суд Белого Духа.

Впрочем, хотелось не только посмотреть на лес, но и

познакомиться с людьми, которые до Иртэгена добирались крайне редко. Да им особо и не требовалось бывать в столице тагана. Они жили по укоренившимся традициям и минимуму законов, из которых главным был: нужна помощь – беги к каану. А если помощь не требовалась, то и в Иртэген ехать было незачем. Но даже во время недолгих войн с соседними таганами до этого поселения враг никогда не доходил, а иных соседей с той стороны не было, потому что Каменный лес закрывал эту часть жителей Зеленых земель. Только твари, о которых я слышала, иногда выбирались по ночам из своих болот, но поодиночке, и охотники легко устраняли досадную помеху налаженному быту.

А в остальном им всего хватало. Хозяйство вели, как и все, пасли скот, охотились. Рыболовство тоже имело место, потому что река Куншале, извивавшая свое сверкающее на солнце тело через половину тагана, протекала и мимо Огчи, таково было название этого поселения. Кстати, Куншале и переводилось как «сияние в речных водах». А Огчи – «окраина». Но это уже к слову.

Так вот, я ехала в Огчи с уже привычной миссией – показать себя и познакомиться. Это было второй причиной, по которой я напросилась с мужем. Но была и третья. И это образование пограничной службы и отрядов обороны. То, о чем я говорила, когда мы посещали кийрамов, но несколько в иной форме, более приемлемой для этого мира и настоящего времени.

Наша беседа состоялась на следующий день после поездки к соседям. Напомнил о ней Танияр. Усевшись в моем кабинете в облюбованное им кресло, которое сделал для меня мастер Керчун, супруг, притянув меня к себе на колени, велел:

– Говори о границе.

И я поделилась тем, что знала об охране пограничных пределов и о системе обороны, принятой в моем мире. Каан слушал, не перебивая, после кивнул и произнес:

– Я понял тебя, Ашити. Нам это не подходит.

– Почему? – спросила я с любопытством.

– Ты рассказывала о своем доме, – заговорил Танияр, – там много людей. Много земли, и везде живут. У нас много свободной земли, а людей мало. Если мы начнем собирать войско в каждом поселении, то в него войдут все мужчины.

– Это неплохо, милый, – возразила я. – Если мужчины будут лучше обучены военному делу...

– Да, – кивнул каан. – Но они остаются пахарями, пастухами, плотниками, торговцами. Ничего не меняется. Ты говоришь не о том, чтобы лучше обучить их, а о том, чтобы собрать войско, которое будет только войском.

– Ополчение...

– Я хочу сказать, – строго прервал меня супруг, и я замолчала. – И еще ты говоришь о крепостях, которые должны стоять там, где нет поселений, и куда смогут прийти люди, чтобы спрятаться от врага. Значит, войско в поселении

ях, войско в крепостях, разъезды. И чтобы покрыть все наши земли, я должен собрать почти всех мужчин, а их труд переложить на женщин, детей и стариков. Такого не будет. Мало людей, – повторил он. – Но ты права в том, что вся защита лежит на плечах ягиров, и, чтобы войску добраться до границы, которую перешел враг, нужно время и жизни тех, кто встанет на его пути. Войны у нас редки, но бывают. И я не стану закрывать уши, когда ты говоришь. А еще есть илгизиты, и они уже высунули нос. Нам нужно защититься. Я обдумаю, что ты говорила, и приму решение.

– Хорошо, – улыбнулась я, не видя повода спорить.

Он был прав, это я приняла сразу. Таган и вправду был заселен частично. И причиной тому суровые условия. И пусть долгих разрушительных войн не велось, однако нападения случались, как и стычки с соседями, что вело к сокращению некоторой части населения. Но они уносили гораздо меньше жизней, чем зимы.

Голодные звери, ночные метели, холод – всё это способствовало тому, чтобы люди держались рядом друг с другом. В большое поселение, обнесенное стеной, зверье проникнуть не могло, если, конечно, не забывали держать ворота закрытыми. А в маленькие деревни на несколько домов приходили озверевшие от холода и голода стаи. Они врываются в дома и резали всех, кто там находился. Потому расселяться никто не стремился.

Впрочем, и стены не гарантировали спасения. Звери за-

легали в засаде и нападали на тех, кто выходил за ворота. Животных разгоняли, жгли костры, чтобы отпугнуть, так что ягирам и охотникам в эту пору приходилось вести войны отнюдь не с людьми. Хищники уходили на время, но потом возвращались и выжидали добычу. И более всего гибло мужчин, потому что именно они чаще всего покидали поселения. А женщины тем более не спешили уехать куда-то от родных и знакомых, потому что с момента гибели защитника могли полагаться только на тех, кто жил рядом.

Так Сурхэм лишилась мужа еще в молодости, а после и одного из двух сыновей, второй заблудился в метели и замерз. Свою любовь и теплоту она перенесла на старшего сына Вазама, когда тот остался без матери. Я никогда не спрашивала ее о потерянной семье, а сама прислужница не спешила делиться своей болью. Но была она в этой беде не одна. Вдов было не подавляющее большинство, но все-таки немало.

Мороз и метели тоже людей не щадили. Эчиль стараниями Хасиль стала их жертвой, и первой жене Архама повезло, что нашли ее раньше, чем она замерзла насмерть. Но для гибели зимой чужое коварство было вовсе не обязательно, хватало и непогоды. И это тоже было причиной, почему тагайни не спешили отселяться от соседей. Родные быстро заметят пропажу, а соседи помогут в поисках.

А еще случались голодные зимы не только для животных, но и для людей. И тогда спасением становилось продовольствие, собранное в общих хранилищах. Да и не прятал никто

съестных припасов, не жадничал, и, если в одной семье скудели закрома, другая делилась без лишних просьб и уговоров. Выжить можно было только сообща, и люди продолжали держаться вместе. Так и выходило, что поселения разрастались, а новых не появлялось. К зиме готовились чуть ли не с начала лета, потому на постройку домов на свободных от заселения землях время тратить было жалко, да и веселее и надежнее, когда все вместе.

«А как же пагчи?» – спросите вы. Ведь есть стойбища, куда они уходят из большого поселения. Как они выживают? А всё очень просто. В эти стойбища они уходят только на лето, когда хищникам хватает еды. Да и кусок их земли вовсе не большой. Если понадобится помощь, добраться до сородичей, защищенных крепостной стеной, недолго. А вот на зиму стойбища закрываются, стада гонят в хавын – скотный двор, располагавшийся в поселении, и до весны племя живет сообща.

Что до кийрамов, то у них хоть и не было высоких стен и крепких ворот, но дома стояли неподалеку друг от друга по всему лесу. И у них была защита Хайнудара. Удивительно, но факт: хищники почти не трогали их, чаще обходили стороной, а кийрамы редко трогали хищников, только когда приходилось защищаться. Но я, как обычно, отвлеклась. Вернемся к тагайни.

В общем, как уже имела честь сообщить, супруга и его доводы я прекрасно понимала. Впрочем, я и не стремилась

навязывать привычное мне устройство, всего лишь делилась замечаниями и примерами. Что из этого стоило перенять и как, а что оставить на уровне любопытного рассказа, решал каан. Я же особо споров не затевала. Чаще мне нечего было возразить. Во-первых, он лучше понимал, что подходит его миру и людям, а во-вторых, мне вовсе не хотелось увидеть копию покинутого дома, где я жила прежде. Всего лишь помочь улучшить существующий порядок и укрепить позиции Зеленых земель и моего супруга.

Мы выехали вскоре после завтрака. Каан потребовал повторить, как я буду себя вести, уже раз в пятый за два последних дня.

– От тебя ни на шаг, – заверила я. – Хожу рядом и жду, когда ты освободишься, и только после этого мы делаем то, чего захочу я.

– Всё так, – улыбнулся Танияр и погладил меня по щеке. Поймав его руку, я отклонилась и уточнила:

– Я могу разговаривать с людьми?

– Можешь, – кивнул супруг и усмехнулся, – но только рядом со мной. Пока я не признаю эти земли безопасными, иначе не будет.

– Понимаю, – ответила я.

После этого я снова подалась к каану, оплела его шею руками, и наши губы встретились, скрепив договор поцелуем. Более приятной печати и придумать было невозможно. Хотя всё логично – устный договор и должен быть скреплен уста-

ми. Впрочем, это не столь важно, лишь бы устраивало обе стороны, а нас с супругом устраивало.

Вскоре мы уже выехали из ворот Ирэтэгена и сразу пустили саулов вскачь. В этот раз каана сопровождали двадцать ягиров, и обратно должна была вернуться только половина, второй десяток оставался в Огчи. Я не спрашивала, почему Танияр решил оставить там столько воинов, но понимала, что причиной был Каменный лес.

– Хочешь, чтобы они исследовали лес? – спросила я негромко, когда мы отъехали немного вперед.

– Не только, – несколько уклончиво ответил каан, и я устремила на него внимательный взгляд. – Они присмотрятся к людям из Огчи. Иргус туда ездит. И три дня назад опять там был.

Про это я знала. Танияр от меня ничего не таил, да и выслушать мое мнение ему было интересно, потому обсуждение событий, происходивших в тагане по его или моей воле, случалось каждый вечер. Так что про Иргуса – пришло-го, которого каан и ягиры заподозрили если и не в принадлежности к илгизитам, то в службе отступникам, мне было известно всё.

Даже после того, как исчезли Архам и Селек, он остался на каанском подворье. Занимался тем же, чем и раньше. Что-то мастерил, что-то чинил, присматривал за порядком и чистотой во дворе. Эчиль говорила, что к женам Архама он особо не лез, пока не призывали. Чаще всего заходил к Ха-

силь и к Мейлик. Дочь Налыка сама держалась обособленно от всех, кто прислуживал на подворье при прежнем каане. Мы с Танияром были уверены, что Иргус должен был поддерживать с беглецами связь, но как это происходило, понять оказалось невозможно.

Бывший каан и его мать поначалу, как и ожидалось, отправились к Налыку, чтобы найти у него помощь и поддержку как у свояка. Однако соседний каан в крове им отказал, не то что в помощи. Мы не знали, что именно сказал Налык, так близко посланец Танияра подобраться не мог, однако знали точно, что беглецы ушли от каана Белого камня вскоре после того, как вошли в ворота Арангулы.

Налык ничего не дал зятю, ни оружия, ни съестных припасов. Похоже, попросту прогнал со двора и из тагана, потому что из Белого камня они ушли, а в Зеленые земли не вернулись. Впрочем, беглецы вообще не покинули этих мест. Они не стремились уйти к дальним таганам или в горы, как и не пробирались в Каменный лес. И это сбивало с толку. Архам привел мать на берег Куншале, на дальней границе земель пагчи. Там они и остались. Жили в шалаше, который сложил бывший каан, он же добывал пищу, мать готовила. И кажется, никуда уходить не собирались.

– Не понимаю, – сказал мне Танияр. – Не понимаю, зачем они там сидят. Архам бросил жен и детей для того, чтобы прожить остаток жизни на берегу реки с матерью? Селек так долго не выдержит. Она не из тех женщин, кто станет

довольствоваться малым, а сейчас у нее вообще ничего не осталось.

– Может, чего-то ждут? – предположила я.

– Похоже на то, – кивнул мой супруг. – Но чего? – Я пожала плечами, ответить мне было нечего. – Быть может, Налык им что-то пообещал? – продолжал размышлять каан. – К ним никто не приходит, они никуда не уходят, чтобы с кем-нибудь встретиться. Осели недалеко от нас, но не могут не понимать, что Селек не выжить, если я «узнаю», где они прячутся. Пагчи их видели, но не трогают. Я просил их сказать, если появится еще кто-то чужой. Пока молчат.

И Иргус к прежнему каану и его матери тоже не приближался. Ни разу не ходил даже в их сторону. А вот в Огчи ездил уже дважды. Первый раз, когда сменилась власть и Архам помог матери сбежать, а второй раз всего несколько дней назад. Наш соглядатай ничего подозрительного не заметил. К Каменному лесу прислужник не ходил, как и мастер, за дочерью которого Иргус ухаживал. В общем, подозревать его вроде бы было и не в чем, но Танияр не спешил увериться в отсутствии подвоха.

– Поглядим, – сказал он.

– Да, рано ослаблять надзор, – согласилась я.

Больше чужаков в тагане не было. Нет, не совсем так. Чужаков хватало: гости, родственники, заезжие торговцы. Они были и в Ирэтэгене, и в других поселениях, но никто не вызывал подозрений. Эти люди приезжали или к кому-то, и то-

гда соседи точно знали, кто и откуда посетил Зеленые земли. Или же на курзым, но торговцы жили в соседних таганах, и их тоже хорошо знали – приезжали в основном одни и те же. Иных пришлых, кто вдруг пожелал бы осесть в нашем тагане или же появился относительно недавно, и о них ничего не было известно, – таких не было.

Оставался только Иргус, однако с него глаз не спускали, и пока уличить его было не в чем. Это и тревожило, и заставляло усомниться в собственных подозрениях одновременно. Еще и бывший каан с матерью, которые вели тихую жизнь отшельников совсем неподалеку, вынуждали выискивать скрытый подвох. Его не могло не быть, но в чем кроется – оставалось загадкой, потому что, кроме Налька, они так ни с кем и не встречались. Приходилось ждать, когда появится ясность.

Но всё это уже было на заметке, а сегодня мы ехали в Огчи, где должен был появиться первый в Зеленых землях гарнизон. Не в известном смысле, конечно, скорее это можно было назвать заставой, однако, как ни назови, но военно-оборонительная реформа начиналась именно сегодня.

– Можем ли мы полностью доверять жителям Огчи? – уже не в первый раз спросила я мужа, терзаясь подозрениями.

– Это мы скоро узнаем, – пожав плечами, ответил каан и улыбнулся.

Покачив головой, я устремила взгляд вперед. До поселения нас ожидал один привал, и мы как раз подъезжали к

нему. Это я узнала по замедлившемуся бегу саулов. А потом Танияр поднял руку, и мы дружно осадили скакунов. Уже спешившись, я с удовольствием потянулась, разминая тело. Каан бросил на меня взгляд, улыбнулся и занялся привычным делом – давал распоряжения. Мне оставалось лишь смотреть со стороны на деловитую суету мужчин.

Себя я ощущала бесполезной и беспомощной в эти минуты, но... особо не расстраивалась. Моя коварная память, которая скрывала от меня все частности моей прежней жизни, все-таки уверенно подсказывала, что обо мне всегда заботились. Да и как иначе, если я была рождена в семье благородных аристократов? А в этом сомнений у меня не было уже давно, почти сразу же с тех пор, как начали всплывать обрывки прошлого. Так что с суетой ягиров и своим бездействием я была даже где-то согласна.

А раз противоречий ни у них, ни у меня не нашлось, то, оглядевшись, я, подстелив себе плащ, устроилась на траве. Впрочем, просидела недолго. Вскоре долгая дорога без остановок дала себя знать, и я вновь была на ногах.

– Танияр, – позвала я.

Каан приблизился и ответил вопросительным взглядом.

– Мне надо отойти, – сказала я, понизив голос, чтобы не быть услышанной другими мужчинами.

– Я провожу тебя, – кивнул супруг.

– Лучше отвлеки Ветра, – чуть ворчливо попросила я. – Мне неловко, когда он глазеет на меня в эти минуты.

– Он переживает и оберегает тебя, – возразил каан, но я ответила упрямым взглядом.

– Мне неловко, – повторила я более твердо. – Он стоит напротив и не сводит с меня взгляда. И пусть Ветер не человек, но смотрит он осмысленно. Меня это раздражает, я испытываю стыд. И когда ты стоишь в шаге от меня – тоже. Не всему, что я делаю, нужны свидетели. – А после подступила к мужу и накрыла его грудь ладонями: – Ну, пожалуйста, любовь моя, – взмолилась я, – отвлеки его. Я буду всего в нескольких шагах. Только скроюсь от глаз за теми кустами, – обернувшись, я указала на манившую меня растительность, – и сразу обратно. Клянусь!

Танияр некоторое время не сводил с меня задумчивого взгляда, наконец усмехнулся и развернул меня к вожаденному кусту:

– Но я всё равно буду неподалеку, – пообещал супруг. После поцеловал в макушку и, сопроводив коротким, но нескромным поглаживанием чуть ниже спины, отправил в указанном направлении.

Воровато оглянувшись на воинов, я послала каану возмущенный его вольностью взгляд и скользнула за дерево, пока Ветер был занят объеданием травы неподалеку. Я не солгала, меня и вправду смущал пристальный взгляд моего саула тогда, когда свидетелей вовсе не хотелось. Я обожала моего дорогого мальчика, но его опека порой была удушающей.

А еще через минуту, обернувшись в последний раз, я юрк-

нула за куст. Однако здесь обнаружили заросли дахтара – колючего кустарника, стелившегося по земле. Ветки могли тянуться на большие расстояния. Этот дахтар был еще молод и сильно разрастись не успел, но воспользоваться указанным мужу укрытием я уже не могла. Пришлось отойти еще дальше. Голоса моих спутников теперь доносились до меня приглушенно. Оглядевшись, я пришла к выводу, что можно остановиться, забираться дальше было бы неблагоприятно.

А закончив свои дела, я уже было направилась к моим спутникам, но снова остановилась и огляделась. Теперь я не искала следы возможного свидетеля, просто рассматривала лес, в котором очутилась. Вроде бы и тот же самый, какой я проезжала по дороге от священных земель до Иртэгена или в котором побывала с илгизитами, а вроде и иной. Впрочем, каждый лес, как и любой дом, был особенным, даже если и казался идентичным своему собрату. И жильцы в нем свои, и обстановка иная. А перед входом в чужой дом положено приветствовать хозяев.

– Здравствуй, Дурпак, великий дух леса, – с поклоном произнесла я запоздало. – Обещаю беречь дитя твое, как и ты его оберегаешь.

Ашит учила меня, что, войдя в лес, где еще не была, нужно непременно приветствовать хозяина лесов и полей. И склонилась снова:

– И тебе здравствовать, Хайнудар, хранитель зверья зубастого. Убереги от злобы и голода подопечных твоих людей и

животных. Мы не охотиться пришли, мимо едем.

После распрямилась, и взгляд мой наткнулся на ягоды имшэ. Другим ягодам время еще не пришло, а имшэ срывали, пока они не достигали своей зрелости. После они становились горьковатыми и годились только на снадобья. Я не стала отказывать себе в удовольствии и как можно аккуратнее отломил веточку, на которой висели две небольшие грозди.

– Прости, – шепнула я кусту и сорвала губами первую ягодку, и наконец намереваясь вернуться к мужу и ягирам, развернулась...

И ветка с ягодами выпала из разом ослабевших пальцев. Сердце мое, замерев на миг, вдруг заухало в ушах набатом. Я открывала и закрывала рот, но не произнесла ни звука, только сбившееся дыхание вырывалось наружу судорожными вздохами. Напротив меня стоял мощный зверь с серой шерстью и почти прозрачными глазами. Рырх.

– Мамочка, – только и смогла я произнести одними губами.

Сильнейший испуг и паника лишили меня голоса. Я стояла и не сводила взгляда со зверя, застывшего рядом. Он был таким же крупным, как и те рырхи, которых я видела зимой. Хищник мог бы спокойно ткнуться носом мне в грудь, если бы пожелал, но он такого намерения не выказал. Да и вообще каких-либо намерений. Не рычал, не скалился, только глядел светло-голубыми глазами, и этот взгляд казался мне совершенно разумным. Зверь будто раздумывал над чем-то.

А потом он шагнул ко мне.

– Не надо, – прошептала я. – Пожалуйста.

– Ар, – негромко проворчал рых и остановился так близко, что я могла бы дотронуться до него, не протягивая руки.

– Ашити!

Крик Танияра донесся до меня словно сквозь вату. Я открыла рот, чтобы отозваться, но было это действие больше машинальным, чем осознанным, и рых перестал медлить. Зубы сомкнулись на моем запястье.

– Ох, – выдохнула я от неожиданности и испуга, но боли не ощутила – зверь не пытался отгрызть мне кисть.

– Ар, – снова послышалось ворчанье, и хищник потянул меня в сторону от места, где мы стояли.

– Что тебе надо? – срывающимся голосом спросила я. – Куда ты меня тащишь?

Я попыталась вырвать руку, но челюсть сжалась сильнее, дав почувствовать ее силу. Боль появилась, но всё еще слабая, будто зверь и не желал причинить мне вреда, только намекал, что не отпустит. А потом мой взгляд наконец отлепился от лобастой головы и скользнул на тело животного. На боку, повернутом ко мне, зияла отвратительная рваная рана, и шерсть почернела от крови, пропитавшей ее. А потом я поглядела на заднюю лапу и увидела следы зубов и там. Зверь прихрамывал.

– Ты же ранен, – произнесла я потрясенно. – Как же ты на лапах еще держишься, бедняжка?

Зверь издал жалобный звук и снова потянул меня за собой. И я... пошла. Понимая всю глупость своего поступка, я позволила хищнику вести меня.

– Ашити! – голос Танияра, теперь наполненный тревогой, прозвучал ближе. – Где ты?! Отзовись!

– Ашити! – выкрикнул Берик.

– Мьяв, – позвал меня Ветер, и рырх ускорил шаг, а я не посмела откликнуться тем, кто переживал за меня.

Зверь бросил на меня взгляд, и мне показалось, что это была благодарность.

– Ашити!

– Ар, – подал голос рырх и отпустил меня.

Я глядела на него в растерянности и не понимала, зачем он вел меня сюда. А потом я услышала новые звуки. Кто-то возился совсем рядом, шуршал листвой, кряхтел и попискивал. Рырх поднял на меня взгляд, снова заворчал и шагнул туда, откуда доносились звуки. Сглотнув, я нерешительно последовала за ним и остановилась, в изумлении глядя на трех детенышей. Увидев... мать, да, теперь я была уверена, что это самка, заковыляли к ней, смешно перебирая толстыми лапами.

Рырха опустила голову, ткнулась носом в каждого детеныша по очереди, облизала их, а после вновь поглядела на меня. И вновь она издала жалобный звук, показавшийся мне мольбой.

– Ты хочешь, чтобы я забрала их? – в недоумении спро-

сила я. – Но как же я приведу их в Иртэген...

– У-у-а, – неожиданно громко завывала она.

– Ашити!!!

А в следующее мгновение ко мне выскочил Ветер, издав шипение. Рырха метнулась в кусты, и стрела, пущенная Бериком, умчалась самке вдогонку.

– Не надо! – выкрикнула я. – Не трогайте ее!!!

– Ашити! – Танияр появился рядом так стремительно, что я даже не успела охнуть. Он сжал мои плечи, взгляд синих глаз прошелся по моему телу.

– Со мной всё хорошо, – заверила я и оказалась прижата к взволнованному супругу.

– Каан, тут детеныши рырхов, – произнес Юглус, не оставшийся в стороне от поисков. – Где-то рядом их мать. Надо уходить.

– Их мать ранена, – сказала я, вывернувшись из объятий каана. – Она привела меня к ним и убежала.

– Привела? – переспросил Танияр, я кивнула и собралась подойти к новым подопечным, когда супруг вновь развернул меня к себе лицом. – Ты пошла за рырхом? Где твой ум, женщина?! – прогрохотал каан, но тут же сбавил тон: – Ашити, – уже ровно произнес он, – ты понимаешь, что ты уже могла лежать с порванным горлом? – Я передернула плечами от картинки, вставшей перед внутренним взором. – Зимой трое рырхов хотели тебя задрать, ты помнишь это? Тогда тебя трясло от страха, а сейчас? Как ты осмелилась идти

за зверем, почему не отозвалась?

– Я испугалась! – возмутилась я. – Даже голос пропал, но она была ранена и так жалобно смотрела на меня...

– Это хитрые и опасные животные, – отчеканил супруг.

– Самка там, – услышала я голос Берика и обернулась к нему. – Ее сильно подрали. Она недалеко убежала, сил не хватило.

– Добил? – спросил каан.

– Да, – кивнул ягир. – Что с детенышами делать? Они всё равно одни погибли, маленькие еще. Надо бы и их.

– Да, – ответил Танияр, Юглус просто кивнул, соглашаясь.

– Нет! – воскликнула я и бросилась между мужчинами и малышами. – Она доверила их мне! Просила позаботиться. Я не позволю их трогать!

– Ашити, – супруг подошел ближе и протянул руки, чтобы взять меня за плечи, но я увернулась и присела рядом с рырхами. Каан вздохнул и заговорил в этот раз мягко, будто с ребенком: – Ашити, если мы оставим их, то детеныши не проживут и дня, их сожрет взрослый хищник. С кем-то же билась их мать...

– И поэтому мы заберем их с собой, – безапелляционно заявила я. – Это последняя воля умирающей. Она привела меня к ним, попросила позаботиться...

– Это рырхи! – снова повысил голос Танияр. – Ашити, это сейчас они маленькие и забавные, а к зиме будут уже взрослые животные. Опасные, умные и хитрые. Мы не можем при-

вести их в Иртэген...

Мотнув головой, я ответила:

– Можем. Очень даже можем. У них будет вольер... загон, мы будем их кормить, воспитывать. Мы приручим их...

– Ашити... – подал голос Берик, но я снова мотнула головой.

После взяла одного из детенышей на колени. Он принялся ко мне, а когда каан шагнул к нам, ощерился и зарычал:

– Р-р.

Оставшиеся два малыша, будто понимая, что их жизнь зависит теперь только от меня, прижались ко мне, и мы вчетвером воззрились на каана.

– Ашити, – как-то даже беспомощно позвал меня муж.

– Р-р-р, – ответили ему с моих колен.

Ветер, уже обнюхавший детенышей, признал их безопасными и ткнул меня мордой в плечо, призывая вернуть внимание родному саулу, но я проигнорировала его призыв. Мой взгляд не отрывался от каана.

– Сытый рырх – добрый рырх, – заговорил Юглус.

– Рырх добрым быть не может, – ответил Танияр. – Они вырастут к зиме, ты это знаешь. Норов возьмет верх, и тогда они выйдут на охоту. Мы подвергнем людей опасности в самом сердце Зеленых земель, внутри Иртэгена.

– Каан прав, – поддержал его Берик. – Зверья хватит и за стенами, если еще и внутри будет стая...

– Сытый рырх на охоту не пойдет, – возразил Юглус.

– Они умеют дружить, – вмешалась я, вспомнив рассказы матери. – Если вожак примет человека, вся стая пойдет за ним.

– Пока человек будет кормить, – ответил Танияр. – А потом вожак натравит стаю, и они сожрут своего друга.

– Это дикие, – отмахнулась я. – Мы же будем кормить их...

– Они охотники, Ашити! – воскликнул каан и протянул ко мне руку: – Идем...

В третий раз мотнув головой, я крепче прижала к себе детенышей, уже успевших уместить передние лапы на моих коленях, а после заглянула в глаза мужа:

– Милый, я безумно люблю тебя, – сказала я негромко. – Я пойду за тобой на край света и разделю любую твою участь, но прошу тебя, не убивай их. Мать доверила мне своих детей, я должна о них позаботиться. Такова воля духов, я знаю. Я поклялась им, что мы не таим в сердце зла. Мне поверили, иначе как объяснить, что самка пришла ко мне? А еще кий-рамы. Они только больше станут уважать нас, когда узнают, что мы сберегли и приняли дар Хайнудара. Жизнь моя, если ты их убьешь... – На миг поджав губы, я выпалила последний аргумент: – Я уйду к маме!

Каан протяжно вздохнул и опустился на колени напротив меня. После протянул руку и потрепал одного из детенышей за ушами.

– Как ты их назовешь? – спросил он, и я расслабилась. Муж услышал меня.

– Этого, – я подняла самого грозного рырха и улыбнулась, – я назову Мейттом. Этого – Бойл, – посмотрела я на малыша, которого снова обнюхивал Ветер. – А этого, – теперь я посмотрела на того, кого трепал Танияр, – Торн. Они будут моей клыкастой гвардией, – и моя улыбка стала еще шире.

– Что за имена такие? – спросил Берик.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Просто всплыли в голове. Мейтт непременно будет верным и справедливым, он вожак. Поглядите, какой грозный. Торн – весельчак, я уверена в этом. А Бойл – хулиган и задира, но простодушный и честный.

– Будто о людях говоришь, – усмехнулся Танияр и поднял Торна на руки. – Это кто-то из твоего мира?

– Может быть, – я снова пожала плечами. – Я не помню. Но точно знаю, какими должны быть Мейтт, Торн и Бойл. – И, подхватив Мейтта и Бойла, я поднялась на ноги. Теперь я готова идти с вами.

– Хвала Отцу, – хмыкнул мой супруг и велел всем разом: – Возвращаемся. Скоро поедем дальше.

Свое окончательное несогласие выразил только Ветер. Так и не дождавшись моего внимания, он зашипел мне в спину. После обогнал и преградил путь, демонстративно глядя на маленьких рырхов.

– Стыдись, дорогой, это же дети, – воззвала я к совести ревнивца. – Не будь эгоистом, им просто нужна наша забота.

– Ш-ш, – ответил саул.

– Иди вперед, – отмахнулась я, и саул, оскорбленный в лучших чувствах, что ясно читалось по его морде, зашагал к месту привала. Правда, вперед не убегал и поглядывал время от времени, продолжая оберегать меня, пока я умилялась своим неожиданным подопечным.

Ростом они были где-то до середины моей голени, и вес их вроде бы и небольшой, но начал ощущаться довольно быстро. Удерживать их стало тяжело, а неудобное положение на моих руках вскоре разонравилось обоим рыхам, и они начали сучить лапами и выворачиваться. И вроде бы идти было не так уж и далеко, но на лице моем вскоре выступила испарина, и я начала ворчать, призывая детенышей успокоиться и не мешать заботиться о них.

– Давай, – Юглус протянул руки, предлагая мне передать ему рыхов.

Я жадничать не стала и вручила Бойла, с Мейттом отчего-то расставаться не хотелось. И потому, когда Берик тоже предложил свою помощь, я отрицательно покачала головой и удобнее перехватила свою ношу. Детеныш притих. Его взгляд остановился на моем лице. Я ответила улыбкой:

– Всё будет хорошо, мальчик, обещаю.

– Ашити, – позвал меня Танияр. Я поглядела на него, и каан полюбопытствовал: – Торн – это женское имя?

– Нет, – ответила я. – Это мужское имя.

– Тогда надо придумать новое, потому что Торн – это самка, – усмехнулся каан. – А остальные кто? Ты уверена, что они мальчишки?

Отрицательно покачав головой, я ответила:

– Значит, Торн теперь будет и женским именем. Она – Торн. А Мейтт... – осторожно заглянув детенышу между задних лап, я деловито закончила: – Это Мейтт. Он самец.

– Бойл тоже самец, – отозвался Юглус. Так окончательно определился пол юных рырхов, пусть и с некоторым запозданием.

Идиллия, едва воцарившаяся после ожесточенного спора, закончилась, едва мы достигли места привала. Ягиры, поначалу улыбнувшиеся при моем появлении, ознаменовавшем, что я жива и здорова и даже не похищена, уже через короткое мгновение выглядели озадаченными.

– Каан, зачем вы забрали детенышей рырхов? – спросил один из них.

– Они едут с нами, – невозмутимо ответил Танияр.

– Но, каан, их мать будет нас преследовать. Она не успокоится, пока не перегрызет всем нам глотки или не сдохнет сама, – заметил другой.

– Их мать мертва, преследовать нас некому, – сказал мой супруг и опустил Торн на землю, как только я вернулась на свой плащ, оставшийся расстеленным на траве. А потом снова поглядел на воинов: – Их надо накормить.

Юглус, положивший рядом со мной Бойла, направился к почти опустевшему мешку, где находились взятые с собой припасы. Остальные так и не сдвинулись с места, продолжая сверлить каана взглядами. При мне это был первый случай открытого неповиновения и недоверия действиям главы тагана.

Вы, конечно же, скажете, что нет ничего удивительного в их бездействии, ведь Юглус уже отправился исполнять приказ каана. Какой смысл двум десяткам воинов бросаться кормить трех детенышей? И будете правы. Только вот мой телохранитель выполнил указание, потому что никто из ягиров не спешил делать то, что сказал их глава.

Я переводила встревоженный взгляд с мужа на воинов, но Танияр остался спокоен, даже равнодушен к этому молчаливому бунту.

– Каан, прости, – заговорил еще один воин, – но куда ты хочешь отвезти рырхов? Кийрамам?

Супруг бросил на меня взгляд – ему идея понравилась. Она была логична. Кто лучше позаботится об осиротевших детенышах, как не подопечные Хайнудара? Однако у меня имелись возражения, и я ответила вместо каана:

– Они едут в Иртэген.

– Нельзя в Иртэген! – воскликнул самый молодой из воинов. – Они вырастут...

– И станут Иртэгену защитой, – закончил за него Танияр, кажется, окончательно смирившись с моим упрямством. –

Зимой они будут нам помощью в борьбе с голодными стаями. Рырхи умеют служить.

– Пока их кормят, – напомнил тот ягир, кто заговорил первым.

– Три рырха не объедят нас, – сказал каан. – Мы вырастим их и обучим. Мы станем их стаей.

Ягиры ненадолго замолчали, осмысливая слова Танияра. Я тоже их осмысливала, и, признаться, они мне не понравились. Что могут сделать три зверя против голодной стаи? Пойти им на корм?! В негодовании я вскинула взгляд на мужа, но он к моему немому возмущению остался равнодушен.

– Прости, каан, – опять заговорил третий воин. – Прошу не злись, но скажи – это придумала твоя жена? Она захотела рырхов и ты убил их мать, чтобы забрать детенышей?

Обвинение было нелепым и возмутительным. Несколько ягиров посмотрели на товарища, и пусть в их глазах не было гнева, клокотавшего во мне, но недоумение читалось четко.

– Это желание Хайнудара, – произнес Танияр, глядя в глаза спросившего прямым острым взглядом, и тот опустил голову. – Самка успела подраться с кем-то. Она подыхала и, чувствуя скорую смерть, вышла к Ашити. И привела к ним, – каан кивнул на детенышей.

– Она просила меня позаботиться о ее детях, доверилась мне, – не выдержала я. – Просьба умирающего свята.

– А Хайнудар...

– Я поклонилась духам и обещала им, что мы не несем в

себе зла ни лесу, ни животным, – ответила я. – После этого появилась самка.

– И детеныши подпустили к себе Ашити и нас, – заговорил Берик. – Не прятались, не пытались укусить. Смотрите, они и сейчас жмутся к каанше. Таково желание Хайнудара, я уверен.

– И я, – поддержал его Юглус и присел на корточки перед малышами.

Ягиры опять замолчали, а я с благодарностью посмотрела на моих телохранителей, в который раз оценив их отношение ко мне. Вроде только что они говорили то же самое, что и их товарищи, но едва понадобилась их помощь, и вот они уже встают плечом к плечу против общего мнения. Но главное, мой супруг поступает так же. Его защита и поддержка – это самый великий дар, который я могла получить. И я перевела взгляд, наполненный нежностью и любовью, на каана.

Он не смотрел на меня по-прежнему, но это не имело никакого значения. Без слов и взглядов я точно знала, что он со мной и поддержит в любую минуту. И уже в который раз я изумилась тому чуду, что среди тысяч миров, которые непременно должны существовать, я оказалась именно здесь. В мире, где живет мужчина, о котором можно было только мечтать. Но по какому-то невероятному стечению обстоятельств мечта обрела плоть. Я любила самого лучшего мужчину во вселенной и была любима им с той же неистовой силой.

– Ты прав, каан, – слова воина, прежде возмутившего меня, прозвучали неожиданно, и я вскинула на него взгляд. – Если рырхи покажут, что это их земля, стаи будут искать новое место охоты.

– А мы им поможем показать свою силу, – кивнул другой ягир, а после оба десятка прижали к груди сжатые кулаки и склонили голову:

– Каан мудр. Прости за сомнения.

– С нами милость Отца, – ответил Танияр.

Мы обменялись с Юглусом быстрыми взглядами – неприятный инцидент был улажен, и мои подопечные были признаны полезными и нужными. Что до детенышей, то им дела до человеческих споров не было. Они были заняты важным делом – с ворчаньем вгрызались в вяленые куски мяса, которые принес им мой телохранитель, а всё остальное было несущественной мелочью. Гордые рырхи были выше любых мелочей.

А вскоре мы покинули место привала, где неподалеку осталась лежать заботливая и отважная самка, рискнувшая довериться человеку ради жизни своих детей. Признаться, я ощущала внутренний трепет и уважение к зверю, который заботился о потомстве до последнего вздоха. И я даже была уверена, что завыла она специально, так привлекая внимание моих спутников и положив конец моим сомнениям. Она попросту не оставила мне выбора, а потому я поклялась, что не обману оказанного мне доверия и буду оберегать своих

ПОДОПЕЧНЫХ ТАК ЖЕ ИСТОВО, КАК И ИХ МАТЬ.

Глава 5

Лохматая троица чувствовала себя на каанском подворье так, словно всегда тут жила. Всё обнюхав в день своего появления, малыши еще пару дней жались друг к другу и забавно порывивали на всех, кто к ним приближался, кроме меня, Танияра и моих телохранителей. Нас юные рырхи уже приняли в свою стаю, к остальным относились с подозрением и недоверием.

Впрочем, уже на третий день их пришлось искать по всему подворью. Малыши разбрелись, осваивая новую территорию. И если Мейтт прибежал ко мне, как только услышал мой голос, да и Бойл не заставил себя ждать, быстро высунув нос из-за угла. То Торн вынудила нас побегать. Сурхэм, я, Эчиль с дочками и Берик сбились с ног, пытаясь найти, куда запропастилось юное зубастое создание. Даже пробежались по улице, думая, что она ускользнула за ворота, хоть ягиры, стоявшие сегодня на страже, и уверяли, что мимо них вообще незамеченным проскочить невозможно. И не знаю, сколько бы еще продолжались безуспешные попытки дозваться рырху, однако точку в наших метаниях поставил сам каан.

Он вернулся на подворье, окинул взглядом царивший здесь переполох и вдруг гаркнул:

– Торн!

И самое удивительное, что почти сразу послышался писк. Пропажа, всё это время наблюдавшая наши суматошные метания из-за поленницы, выбралась наружу и направилась к Танияру. Мейтт, семенивший за мной, куда бы я ни направилась, зарычал на сестру. А маленькая негодница, добравшись до каана, уселась у его ног и воззрилась на него преданным взглядом. Каан некоторое время смотрел на рырху сверху вниз, после присел и встрепал ей шерсть на загривке.

– Так не пойдет, – сказал Танияр. – Это баловство, а не воспитание. Если продолжишь так и дальше, то к зиме у нас будет неуправляемая стая, которую придется держать взаперти и кормить на убой, чтобы на вред не осталось ни сил, ни желания.

– Они же еще маленькие... – начала было я, но супруг остановил меня жестом.

Он распрямился и притянул меня к себе.

– У тебя добрая душа, Ашити, – произнес каан. – И ты видишь в них детей, только это не дети, это детеныши, и вырастут из них не люди, а опасные звери. Скоро приедут кий-рамы, они лучше понимают зверье и их обычаи. Пусть объяснят, как надо воспитывать рырхов. Нам нужна послушная и преданная стая, а не три дурня, которые будут творить что вздумается. Если ты хочешь, чтобы они прожили не только это лето, но и всю свою жизнь, придется и тебе учиться быть рырхом.

Вздыхнув, я признала его правоту и свои заблуждения. У

нас на подворье поселились не милые щенки, и вырастут из них не комнатные собачки, которым можно повязать бантик и умиляться их выходкам.

– Хорошо, пусть кийрамы научат, – согласилась я. – Но... – я стрельнула в мужа глазами, – пока они не приехали, я еще немного побалую малышей. – И показала пальцами: – Вот столько, капельку.

Танияр, усмехнувшись, покачал головой и кивнул:

– Только капельку. Одну. Маленькую.

– Побольше?..

– Нет, – ответил супруг, и я, вздохнув, согласилась.

О, наверное, вас изумляет, отчего я так быстро перешла к дням после возвращения из нашей поездки? Должно быть, кто-то ожидал долгий и подробный рассказ о событиях, произошедших в Огчи. Но я уже успела рассказать о самом ярком событии. Признаться, я ожидала нечто новое, необычное, где-то даже мистическое из-за наших подозрений и нахождения неподалеку Каменного леса, о котором ходило больше мифов, чем достоверных сведений.

Но нас встретило самое заурядное поселение с домами, похожими на дома в других таких же поселениях. Любопытные простодушные люди в знакомой одежде, отличавшейся лишь элементом орнамента, принадлежавшего этому месту. И всё здесь было знакомым и обыденным. Даже интерес к моим глазам и набивший оскомину вопрос «Пагчи или не пагчи?».

Каана встретили с почтением, на ягиров косились с любопытством, но без всякой опаски, что ясно говорило – людям здесь переживать не из-за чего. Мои рыхи вызвали изумление, но известие, что их мать мертва, успокоило, и малышам принесли свежего мяса, еще сочившегося кровью. Лохматая троица подношение оценила и отказываться не стала.

Не вызвала удивления и протеста у людей и новость о том, что в Огчи останется десяток ягиров, их тут же разобрали на постой обитатели Огчи. Заполучить в гости ягира было почетно и невероятно любопытно. Что до оглашенной причины этого новшества, то люди пожала плечами. Каменный лес никого из местных не беспокоил, они настолько привыкли к его соседству, что уже особо и не замечали. Но пояснение каана о том, что он хочет защитить свой народ, приняли одобрительными кивками и на повеление помочь в строительстве новых укреплений тоже закивали с готовностью.

Вроде бы и придраться было не к чему. Ничего, что указало бы на смену веры, в Огчи не было, и значит, отступников среди жителей этого поселения не имелось. Юглус заглянул и в дом того мастера, куда ездил Иркус. А когда вернулся, рассказал, что ничего подозрительного не обнаружил.

– А дочка у него и вправду хороша, – заметил ягир.

– Совсем ничего странного? – спросил Танияр.

– Ничего, – ответил Юглус. – И особенного ничего, зачем стоило бы уезжать из Иртэгена. Разве что только ради дочери.

– Какого она возраста? – спросила я.

– Да уж раза три-четыре точно должна была лето у костра встречать. Иргус мог бы ее в жены взять, а не ездить в Огчи за всякой мелочью. Только это и странно. Да, странно.

– Что?

– Что не замужем еще, – ответил мой телохранитель. – Очень красивая.

– Ничего странного, – пожал плечами Берик. – Женщина сама выбирает, чей тархам принять. Может, еще никто по сердцу не пришелся.

– Может, – согласились мы, и обсуждение зазнобы Иргуса прекратилось. Дальше наблюдать и делать выводы будут ягиры, которые останутся в Огчи.

Вы спросите меня: «А как же Каменный лес?» Видела ли я его? О да! Я его видела... почти. Если уж говорить более точно, то я видела его местонахождение. Никто не собирався везти меня туда, где могла поджидать опасность, а я не стала настаивать, хоть и хотелось посмотреть поближе, но спорить с мужем желания не было. И еще менее я желала поставить его авторитет под сомнение. То, что ягиры заподозрили в появлении у нас рырхов мой каприз и потворство Танияра, заставило быть осторожнее в высказываниях. Потому, услышав, что ближе к лесу мы не подъедем, я только согласно кивнула.

Так что всё, что предстало моему взору, – это обычный лес, из-за макушек деревьев которого местами можно было

разглядеть высокие каменные столбы.

– Чем ближе к Каменному лесу, тем меньше деревьев, – рассказывал Танияр, пока мы проезжали мимо. – Они чахлые и кривые. Говорят, у этих деревьев больная душа, она отравлена дыханием болот.

– Ты бывал там? – спросила я.

– Только на границе, – ответил каан. – Там нехорошо. Гиблое место, тяжелое. Будто разом душу высасывает.

– Бр-р, – я передернула плечами и погладила потревоженного резким движением Мейтта.

С тех пор прошло семь дней, неделя, за которую жизнь продолжалась в своем привычном порядке. И сегодня мы ожидали гостей – кийрамов, которые должны были прибыть с ответным визитом. Это знаменовало окончание вольной жизни для моих рырхов и начало нашего с ними воспитания. А пока наши учителя не появились, я заканчивала намеченные на утро дела, а мои питомцы хулиганили на подворье, приводя в отчаяние Сурхэм и забавляя дочерей Эчилъ. В общем, наслаждались последними часами вольной беззаботной жизни, какая положена всем детям, даже если они детеныши.

Но вернемся ко мне и моим делам, о которых я успела упомянуть. Мое сегодняшнее утро началось в мастерской Керчуна, а продолжилось на курзыме, где начали устанавливать прилавки – добротные и широкие, под которыми имелись даже полочки, куда можно было сложить часть товара. И, как

и ювелир Урзалы, Керчун добавил в простую геометрию, которую я предлагала, свое видение и украсил прилавки нехитрой, но примечательной резьбой. Примечательность эта состояла в некой гипнотичности. Вот вроде бы завитушка, рядом еще одна, но они так затейливо переплетались между собой, что отвести зачарованный орнаментом взор было почти невозможно.

– Уважаемая Ашити, всё ли тебе нравится?

– Более чем, уважаемый Керчун. Ты настоящий мастер! Только вот резьба...

– Не нравится?

– Очень нравится, но не будет ли она отвлекать от товара? Я взгляд на прилавок поднять не могу, на узор любуюсь.

– Торговец не даст долго любоваться, – усмехнулся смотритель курзыма.

– Еще и себе на выгоду использует, – покачала я головой. – Так и покупателя облапошит.

– Один раз облапошит, в другой раз рот разевать не станут, – отмахнулся Керчун. – Зря переживаешь, каанша, народ у нас своего не упустит. Как дело до торга дойдет, про все узоры позабудет.

– Думаю, ты прав, – хмыкнула я, и мы пошли вдоль уже установленных, но еще не заполненных продавцами рядов.

– Это что же, теперь и под солнцем будет не жарко, и в дождь не намокнешь?

Мы с мастером обернулись. Позади нас стояла женщина

– одна из торговок. Пока устанавливали прилавки, торговцы перебрались за ворота курзыма, но любопытство любимых детей Белого Духа уже давно было мне известно, потому и появление женщины не удивило. Многие уже успели сунуть сюда нос, даже приходилось выгонять зевак, чтобы не мешались, когда их становилось слишком много. Да и дать совет каждый считал своим долгом, и люди Керчуна вместе с несколькими ягирами, выставленными Танияром в помощь, чтобы следить за порядком, выпроваживали особо ретивых советчиков и ротозеев. Некоторые даже хватались за инструменты, чтобы что-то подправить. Одного такого «помощника» увели с подбитым глазом, но он и тогда выворачивался и продолжал настаивать на своем мнении.

– Хорошо будет, – улыбнулась я и тоже подняла взгляд на навес, который Керчун поставил над прилавками. – И удобно, и порядок, и всё на своем месте.

– Да-а, – протянула женщина и покивала, – славно. Когда уж можно снова здесь торговать будет?

– Скоро, – ответил ей сам смотритель курзыма. – А если никто под руку лезть не станет, то и дело быстрее пойдет.

– Славно, – повторила торговка, так и не обратив внимания на слова почтенного мастера.

Он сплюнул и, покачав головой, повел меня дальше. Однако пройдя несколько шагов, остановился и произнес:

– А узор даже не заметила. Зря переживаешь, уважаемая Ашити, только ты одна на каждую завитушку засматрива-

ешься, а людям все эти узоры привычны.

– На красоту не грех и засмотреться, – улыбнулась я, и мы продолжили наш обход.

Работой моего ставленника я была довольна. Керчун с первым этапом своей задачи справился прекрасно, но она пока соответствовала профессии нашего зрителя. Было любопытно, как будет следить за порядком, но тут мне легко верилось, что и с этим он справится. Я успела оценить общение с рабочими и как люди слушались своего начальника. Керчун обладал всеми необходимыми задатками руководителя.

– Скажи мне, каанша, – уже почти в воротах остановил меня зритель, – уж не сочти за обиду.

– Говори, – кивнула я.

– Вот сделаем мы курзым, будет он у нас на загляденье и зависть. А дальше что?

– Поясни, – попросила я, не поняв, какого ответа ждет от меня Керчун.

– Что дальше делать станешь?

Улыбнувшись, я пожала плечами:

– Дело всегда найдется. Но каждому делу свое время. Сейчас время курзыма.

– Курзым так курзым, – не стал настаивать Керчун.

О-о, таган ожидало много перемен: и в системе налогообложения, и в судебной системе, и законодательной, торговой, и военная реформа, и образовательная. Да много всего, но...

всему свое время, и говорить об этом почтенному смотрителю я не собиралась. Введение новшеств должно быть поэтапным и никак не сопровождаться пересудами и сплетнями, которые способны вызвать непонимание и бунт, но никак не помочь становлению общины в государство, сильное и самодостаточное, в перспективе населенное людьми разных народностей. Территория Зеленых земель это позволяла.

Впрочем, всё это было в будущем, а в настоящем ждал своего открытия обновленный курзым, продолжение налаживания связей с ближайшим соседом – племенем кийрамов. И к моменту их появления надо было провести последние приготовления. У тагайни не было обычая встречать гостей тагана пиршеством, похожим на праздник лета, но щедрый стол и развлечения мы готовили, как и прогулку по тагану и нашим землям, откуда кийрамов обычно гоняли. Хотя каан уже разрешил охоту на территории Зеленых земель еще во время нашего визита.

Эчиль и Ихсэн помогали Сурхэм готовить прием и дары для наших гостей. Я особо не вмешивалась, потому что тут требовались обычаи тагайни. Я их знала, но хуже, чем правила устройства приемов из прошлой жизни. И как только я поняла, что наша встреча всё больше начинает походить именно на светский раут, тут же устранилась, чтобы ничего не портить и не путать коренных жителей Белого мира. То, что мне вложили когда-то в голову, здесь было лишним.

– Всё готово? – спросила я, войдя в дом.

– Всё готово, – ответила Эчилъ. – Кийрамы будут довольны.

– Тьфу, – сплюнула Сурхэм. – Кусок им сырого мяса, пусть рвут, зверюги. Они нашего Танияра, как мгиза на убой, порезали, а мы им угощения...

– Не ворчи, – строго велела я. – То воля Отца.

– Да слышала уже, – отмахнулась прислужница.

– Думаешь, мы врем или Белому Духу не доверяешь? – прищурилась я, и Сурхэм пошла на попятную:

– На всё воля Отца. И вам, как себе, верю. А всё ж дикари они и есть дикари, чего их приваживать? Им волю дай, они свои норы и в тагане рыть станут.

– Доверяй своему каану, Сурхэм, – вмешалась Эчилъ. – Я Танияру верю. Он знает, что делает. А кийрамы – сильные соседи и в лесу, как ты в своем доме, себя чувствуют.

– Верно, – кивнула я. – Отличные союзники. С ними не воевать, а дружить надо.

– Они наших воинов убивали...

– А мы их охотников, – отмахнулась я. – Кийрамы думают о нас так же, как мы о них. Убийцы и дикари. А все мы дети одного Отца и духов одних и тех же почитаем. Может, Белый Дух и сотворил вас первыми, но не единственными. А кровь и смерть всегда есть там, где нет мира. Так зачем же плодить ненависть и слезы матерей, когда можно протянуть друг другу руки?

– Как же ты верно говоришь, Ашити, – поддержала меня

Эчиль. — Мой отец и мои предки враждуют с пагчи, проливают их кровь, теряют своих земляков и ненавидят всё сильней. Когда я была маленькой, мой каан много раз сетовал, что я родилась не мальчиком. Говорил, будь у него много сыновей, тогда пагчи пришел бы конец. А когда Архам пришел свататься, велел сойтись с ним у моего первого летнего костра. Сказал, что теперь рад тому, что я женщина. Сын — это один клинок, дочь — все ягиры ее мужа.

Я с интересом посмотрела на Эчиль. Это был первый раз, когда она заговорила о том, как вышла за Архама замуж, да и вообще о супружестве и жизни в девичестве. Она заметила мой взгляд и усмехнулась:

— Думала, я по любви за него пошла? Отец приказал. Нет, он мне понравился. Хорош ведь. Ладный, пригожий. На меня всё на празднике лета смотрел, взглядом смущал. А у костра и вовсе горячий стал. Даже утром казалось, что буртан еще в крови бродит, как хмельная была. Мне тогда казалось, что полюбит он меня и я его полюблю, вот и будет у нас жизнь сладкая. Поначалу и вправду хорошо выходило. Архам заботился, нежным был, только глаза не горели. Он на Хасиль тогда всё смотрел.

— Хасиль? — изумилась я. — Так Танияр же...

— Так и было, — закивала Сурхэм. — Хасиль с Танияром была, а Архам с нее глаз не сводил, да поперек брата не лез. И она только на Танияра смотрела...

— Пока Селек на сына члык не натянула, — криво усмех-

нулась Эчилъ. – Как увидела, что не того каанчи выбрала, так Архаму начала глазки строить. Вроде и с Танияром, а как каан мимо идет, так обязательно себя и покажет. А там еще и я дочь родила, вот и стала Селек сына подначивать, чтобы вторую жену в дом привел. Говорила, первую я тебе навязала, вторую бери, какую хочешь. Архам, правда, не соглашался. Отвечал, что Танияра невеста, а мать ему: «А ты тархам поднеси, вот и поглядим, чья невеста». Только он всё равно не шел.

– Чего ж пошел? – к нам подошла Ихсэн.

– Точно не знаю, меня там не было, – и вновь усмешка Эчилъ вышла издевательской. Обиды в ней скопилось немало. – Только услышала я как-то, когда Селек с Хасиль ругалась, сказала: «Знала бы, что ты такая бесполезная, не стала бы учить, как в дом к моему сыну войти». Так что, думаю, каанша Хасиль с Архамом свела. А там уж ему ничего не оставалось делать, как тархам нести. Каану жениться трижды можно, а гулять – нет. Вот и привел ее второй женой. Только после всего этого Архам и на нее смотреть перестал. Со мной приветливей был.

– Но двух дочерей родить успели, – усмехнулась уже я.

– Так она молода, красива, – пожала плечами Эчилъ. – И он молод. Дело недолгое. А вторую дочь родили, когда я уже... – Она помрачнела, и я сжала ладонь каанши. Она улыбнулась, пожала мою руку в ответ, но освободить не спешила. – А Хасиль как бесилась, когда Архам к Мейлик

пошел! Тут уже он мать слушать не стал. Я тихо жила, но многое слышала, да и прислужница моя много подмечала. Селек его уговаривала дождаться, когда дочь Елгана созреет, а там ее третьей женой взять. Архам слушать не стал. Сказал, что первую жену он по ее наущению привез, вторую она сама ему подсунула, а третью выберет, какую захочет. Что Мейлик заметил, я не знала, только после того, как тархам ей отнес, увидела, с кем делить дом будем. А как наш муж третью жену привел, так только уже с ней и оставался.

– Совсем ты одна там была, – покачала головой Сурхэм.

Эчиль рассеянно пожала плечами и отрицательно покачала головой:

– Не одна. У меня дочери мои были. Да и Архам пусть уже и не приходил как к жене, но иногда заглядывал, чтобы поговорить немного. Да и дочерей не забывал. Хотя младшую дочь, конечно, больше всего привечает. От любимой женщины и дети любимые. А еще... – она снова пожала мне ладонь, – Танияр. Он всегда был ко мне добр. И заботился. Видел, что я там никому не нужна, вот и приносил девочками моим подарки, и для меня доброе слово находил, и чем побаловать.

После этих слов я посмотрела на жену прежнего каана более пристально, отыскивая следы затаенной влюбленности. Она поглядела на меня в ответ и... весело рассмеялась.

– Он брат мне, Ашити! – воскликнула Эчиль. – Пусть Отец покарает меня, если вру, – она улыбнулась и уместила

голову у меня на плече: – Когда Архам привез меня, Танияр сказал, что теперь я ему сестрой буду. И слово всегда держал, больше мужа обо мне заботился. На Хасиль ни разу не взглянул, с Мейлик был приветлив, но не подходил к ней. А обо мне заботился, понимал, что я тут чужая и мне все чужие. Один Танияр своим стал. Вот и хожу к вам как к родне. Мне у вас хорошо. Думала, если в тягость буду, то не стану приходить. А вы с добром ко мне, и от меня зла не будет. Верь мне, сестра.

– Да какое уж зло? – Сурхэм махнула рукой и отошла от нас: – Эчиль замужем за Архамом. Муж сбежал, от жен не отказывался, а без его согласия разойтись нельзя. И Танияр перед людьми и духами отказался от права на трех жен. И вообще на всякую жену, кроме Ашити. Тут и думать нечего.

– Я верю, – улыбнулась я, отвечая Эчиль, но еще какое-то время ушло на то, чтобы справиться с подозрительностью. Танияру я верила, а вот соперницу под личиной доброй сестры иметь не хотелось.

Это породило неловкость. Я пыталась ее спрятать, но Эчиль всё равно ощутила мою напряженность. И когда я ушла в свой кабинет, чтобы там привести мысли в порядок, жена Архама последовала за мной. Она застала меня за пересмотром свитков, уложенных в большой ларец. Ничего важного, но мне надо было занять голову и переключиться со своих подозрений.

– Ашити, – позвала меня Эчиль, появившись на пороге

кабинета.

Я повернула голову и улыбнулась, но, наверное, вышло не слишком убедительно, потому что женщина не обманулась моей видимой приветливостью. Не могу сказать точно, что же меня так сильно задело. Танияру я и вправду доверяла, и ни разу он не дал мне повода усомниться в его чувствах ко мне, но какой-то червячок продолжал грызть, поднимая что-то гадкое со дна души.

В голове всплывали смутные образы, смысла которых я никак не могла уловить, и принадлежали эти воспоминания совсем не Белому миру, но мешали расслабиться и снова вдохнуть полной грудью. Казалось, что я уже проходила через нечто подобное, только совершенно не получалось понять, отчего слова Эчиль произвели на меня такое угнетающее впечатление.

Я прекрасно понимала ее. Увезенная из родного тагана мужчиной, которому была не нужна, преданная после свекровью и оставленная мужем. Едва не умершая в метели из-за козней другой женщины, лишенная возможности снова стать матерью, Эчиль действительно нуждалась в друге, который поддержал бы ее и дал толику необходимого тепла. Таким человеком стал Танияр. И с одной стороны, я разделяла с мужем его желание защитить несчастную женщину, одинокую в доме собственного мужа. И понимала ее привязанность к брату мужа и благодарность. А с другой – никак не могла избавиться от мысли, что доверие может сыграть со

мною злую шутку. Кажется, прошлое начинало мешать настоящему, а это могло привести к краху в будущем. С этим нужно было что-то делать...

– Ашити, – Эчиль приблизилась к столу и протянула ко мне руку.

Я мгновение смотрела на раскрытую ладонь, а после вложила в нее свою, упрямо решив верить женщине, пока ни разу не давшей мне повода заподозрить ее в коварстве и лжи. Жена Архама поглядела мне в глаза и повторила:

– Он мне брат, Ашити. И скажу тебе, лучшего брата у меня никогда не было. Даже моя родня заботилась обо мне меньше, чем нынешний каан. Ты знаешь, что Хасиль сделала со мной. И чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что это свекровь подучила вторую невестку, а та согласилась, потому что муж улыбался мне, а не ей. Он заходил ко мне, а не к ней. И с дочерью старшей возился.

– Думаешь, Селек подговорила? – переспросила я. – Но зачем ей это было? В тот момент. Если Селек надеялась на вашего с Архамом сына, то надежды ее не оправдались, и уничтожила их Хасиль в своей злобе и глупости. Но в тот момент, когда ты еще могла родить мальчика...

– Из-за моего отца, – ответила Эчиль. – Он поссорился с Архамом, назвал слабым.

– Из-за чего?

– Из-за Танияра, – усмехнулась наша свояченица. – Отец хотел новой войны с пагчи, но алдар сказал нет. Отец

несколько раз уговаривал, а потом приехал к Архаму и стал стыдить, что у него нет власти над братом и ягирами. А когда понял, что мой муж ничего делать не станет, сказал: «Забудь, что я обещал. Ты не хочешь быть мне добрым другом, вот и я тебе останусь только соседом. Дочь свою отдал, и на том добро мое закончилось». Я не знаю, о чем договаривались кааны, когда Архам приехал за мной. Но теперь этого союза нет. Отец у меня вспыхивает, как сухая солома, но быстро тухнет. Только слово всё равно держит, даже если сказал его в запале. Если бы к нему с какой просьбой приехали, он бы отказал, раз ему отказали. В доме бы принял, накормил, приветил, а больше ничего. Вот и выходит, что Селек я стала не нужна.

Я задумалась. Стало быть, Налык отказался от брачных договоренностей и это лишило Селек его помощи в какой-то задумке? Но зачем он был нужен старшей каанше? Мы с Танияром считали, что она рассчитывала расчистить путь для Архама, чтобы он, как отец единственного наследника – внука Налыка, прибрал к рукам Белый камень. И если Эчиль права в своих подозрениях, то Селек сама же и лишила себя надежды на мирное присоединение чужих земель.

– Мирное... – прошептала я. – Мирное присоединение...

А союз каанов давал ей военную помощь, то есть ягиров Налыка. И после того как он отказался от союза, Эчиль перестала иметь ценность. И уж не это ли стало настоящей причиной охлаждения к невестке? А что? Вполне возможно. Ее

лишили надежды на войну... с кем? С кийрамами? Кийрамы... Что даст избавление от племени? По сравнению с территорией любого из таганов слишком малый куш.

– Таган? – спросила я себя, ощутив, что понимание уже где-то рядом. – Таган...

– Что, Ашити? – спросила меня Эчиль.

Я подняла на нее взгляд и моргнула, пытаюсь понять, чего хочет от меня свояченица. После отрицательно покачала головой и вернулась к своим размышлениям. Объединенное войско двух таганов... Против племени мелко, а вот против...

– Елган! – воскликнула я и впиалась взглядом в Эчиль, продолжая думать.

А что если и вправду? Два тагана нападают на третий, а после делят его... Нет, нет-нет, не так. Не так! А как? И мои глаза округлились от очередной догадки. Где быстрее всего гибнут люди? На войне! Это же такой восхитительный повод избавиться разом от всех и заполучить все три тагана в короткий срок! Налык сам ведет войско, и его сыновья с ним, кроме одного, который остается в Арангулы, чтобы управлять землями, пока нет отца. То есть можно было бы с помощью Налыка убрать Елгана и его наследников, а заодно и самого Налыка вместе с его наследниками. Даже последнего убрать уже несложно, если есть тот, кто поможет. И тогда Архам получает все земли разом!

Таган Елгана – как победитель, а таган Налыка – как муж

старшей дочери, и вот уже у них с матерью огромные территории. Одним ударом всех! Война ведь всё спишет, как говорится. Если, конечно, рассчитывать на помощь илгизитов, то всё становится возможным. И три войска объединились бы под рукой Архама. А с такой армией можно начинать захват других земель...

— Ух, — выдохнула я.

Неужто таков был замысел? И я хохотнула. Ягиры! Как же лихо они сумели перечеркнуть все чаяния Селек одним только словом! Всего лишь не приняли предложенного им алдара и выбрали своего, и тут же весь карточный домик зашатался у основания.

Танияр не желал воевать с пагчи, не пошел бы и на Елгана. И убирать его было опасно, потому что теперь ягиры пристально наблюдали за родней своего алдара. И конечно, после того как Налык отказал в ответ в военной помощи, Эчиль была уже не нужна. До той минуты бедная женщина являлась гарантом союза, а потом толку в ней не стало. А вот дочь Елгана могла ее заменить и развернуть кровавые намерения Селек в обратную сторону.

Привести ее было можно, но! Нельзя воевать с одним тестем против другого, когда под одной крышей живут женщины, которые объединяют три тагана родственными узами. Всё же Селек и без илгизитов далеко не глупая женщина. Всё верно рассудила. Надо убрать одну невестку, чтобы расчистить место другой. А ведь могла еще и от Хасиль избавить-

ся, если бы Эчиль замерзла насмерть. Тогда глупая вторая жена стала бы убийцей, и Архам освободился разом от двух навязанных жен, не сильно огорчившись.

– Великий Отец, – потрясенно протянула я, вновь взглянув на Эчиль. – А ведь Архам вольно или невольно, но спас тебя, когда привел в дом Мейлик. Даже после твоей смерти он уже не мог жениться, потому что полностью использовал данное ему право тройной женитьбы. А может, и брата спас, потому что после свадьбы с Мейлик Селек пришлось терпеть ненавистного алдара, чтобы уже его женить на дочери Елгана.

И пока вожаемая девушка созревала, кто-то убирал наследников Елгана, меняя сценарий будущего захвата власти. Зачем? Да потому что Танияр не повел бы ягиров на Белый камень, и значит, должен был жениться, оставить наследника и погибнуть, как мы и думали прежде. И вот тогда уже можно было бы объединить два войска под ленгеном нового алдара и повести их на Налыка, чтобы захватить и его земли. Или же убить по-тихому, и тогда Эчиль еще могла отыграть свою роль как старшая дочь павшего каана. Ее муж принял бы власть над осиротевшим Белым камнем. И цель наконец была бы достигнута. Однако тут вновь всё разлетелось вдребезги, но уже из-за вмешательства самого Создателя, воля которого привела Танияра в дом шаманки, где он увидел меня.

– Да-а, – протянула я и усмехнулась. А затем опомни-

лась: – Прости, ты ведь к чему-то начала говорить о том слушае?

Эчиль негромко рассмеялась и похлопала меня по тыльной стороне ладони, которую, оказывается, так и не выпустила. А после, улыбнувшись, кивнула:

– Я хотела рассказать тебе про Танияра. И я расскажу, только теперь я спокойна. Тебя ранили мои слова, я переживала. А теперь рада, что переживала зря, потому что ты веришь ему. И мне.

– Почему? – спросила я с любопытством. – Из чего ты сделала этот вывод?

– Потому что ты не стала ждать того, что я скажу о Танияре, а задумалась о том, что показалось тебе важней, – она снова улыбнулась и наконец отпустила мою руку. Затем обернулась к портрету моего мужа, одному из тех набросков, которые он когда-то забрал со стола перед отправкой на мои поиски. Вместо них каан попросил меня нарисовать себя. Я обещала, но как-нибудь потом... – Он хороший, – заговорила Эчиль, – очень добрый и веселый. Белый Дух всегда любил Танияра, я это точно знаю. – И, вновь обернувшись ко мне, продолжила: – Они очень похожи с Архамом, верь мне. И лицом, и статью, и норовом. Только Архам будто прячется от всех, даже от себя. Танияр как-то говорил, что брат стал другим... – Взгляд женщины стал рассеянным, будто она переживала какое-то свое воспоминание, и отчего-то я была уверена, что касается оно мужа, и вовсе не моего. И, словно

в подтверждение моих слов, она едва слышно повторила: – Архам... – Но, вздохнув, повела плечами и возобновила свой рассказ: – После того, что сделала подлая Хасиль, меня принесли обратно в дом, Архам приказал звать Орсун, чтобы она лечила меня. Селек зашла и слушала, как муж спрашивает меня, зачем я ушла на улицу. Каан очень разозлился, когда узнал, что я оказалась раздетой среди метели из-за Хасиль. Он оставил меня с прислужницами и ушел ко второй жене, и его мать следом. Она даже не подошла ко мне. Поначалу я слышала, как Архам кричал на Хасиль, а потом Мрак позвал меня. Когда снова открыла глаза, рядом уже была Орсун. Муж тоже зашел, узнав, что я очнулась. Только он уже стал другим, опять спрятался. Погладил по плечу и велел обо всем забыть. Сказал, что Хасиль не может быть наказана, потому что носит его ребенка. А сам в глаза не взглянул ни разу. Потом и совсем ушел. Рядом остались только знахарка и прислужницы. Орсун говорила, что надо Вещую звать. Один раз и Архаму сказала, а он ответил, что она сама справится. Живая, говорит, и хорошо.

Я не сводила взгляда с несчастной женщины, пока она говорила, а там и вовсе не удержалась. Приблизилась к ней сзади и, обняв, уместила подбородок на плече.

– Танияра тогда не было. Когда он вернулся, я уже начала выздоравливать. Орсун знает свое дело, она меня на ноги подняла... – Эчиль развернулась и взяла меня за руки. – Алдар привез моим дочкам подарки, он часто баловал стар-

шую дочь, а потом и младшую, всегда говорил, что они его любимые племянницы, и девочки дядю любят, всегда о нем спрашивают. Теперь еще и о тебе, – на ее губах появилась улыбка. Я улыбнулась в ответ, но ничего не сказала – ждала продолжения. – Танияр пришел к нам приветливый, как всегда, и, только когда велел принести мне шубу, я поняла, что алдар уже всё знает.

– Ягиры, – произнесла я.

– Да, – кивнула Эчиль. – Они ему всё рассказали. И пока я одевалась, пришел Архам, и Селек с ним. Она сына от себя почти не отпускала. Что бы ни делал, и она рядом. Свекровь в двери встала и сказала, чтобы Танияр уходил. Говорит, ты к жене брата пришел, как смеешь ее уводить, не спросивши мужа.

– А Танияр?

– А он ответил: «Муж о жене заботится, а раз заботы нет, то и спрашивать не у кого». Вот так и сказал, а потом Селек с дороги убрал и меня вывел.

– А что же Архам?

– Он ничего не сказал, только в сторону отошел, дал брату меня увести. А когда Селек за нами кинулась, ей дорогу заступил. О чем говорил, я не слышала. Танияр шел быстро, ну и я за ним. А на улице в сани посадил и к Вещей повез. Только уж поздно было... – Эчиль на миг замолчала, а после закончила с уже знакомой издевательской усмешкой: – Зато живая.

Я притянула к себе свояченицу, обняла ее, и мы затихли на некоторое время. Что я ощущала в этот момент? Мне было ее безумно жаль! Несчастливая одинокая женщина, судьба которой могла быть совсем иной, если бы однажды Селек не нашла ей место в своих планах, а после, скомкав, будто испорченный лист бумаги, не выкинула за ненадобностью в корзину. И если бы Архам не шел на поводу своей матери, слепо исполняя ее повеления. Эчиль могла бы быть счастливой в браке и нарожать любящему ее мужу много детей, и была бы его единственной.

– Какая же дрянь! – отступив от жены бывшего каана, в сердцах воскликнула я. – Мерзкая лицемерная дрянь!

Эчиль ответила изумленным взглядом, и я пояснила:

– Я говорю о Селек.

– Отец всё видит и ничего не забывает, – улыбнулась Эчиль. – Не бранись, Ашити. Я не для того тебе это рассказала. Я хотела, чтобы ты знала, почему в твоём муже вижу своего брата, ставшего родней родного. Никто и никогда так не заступался за меня и не спорил. Дома меня любили, но продали. А алдар не любил, но пошел против брата, чтобы помочь. Я не просила его, не подговаривала – он всё сделал сам.

– Таков мой муж, – с гордостью ответила я. – Благородный и справедливый.

– Если однажды тебе станет тяжело видеть меня в своём доме, скажи. Танияр мне брат, а я ему сестра, потому не ста-

ну мешать миру между вами, – произнесла свояченица, и честно ответила:

– Ты мне нравишься. И твои дочери нравятся. Приходите, мы вам рады.

– Спасибо, – улыбка Эчиль была открытой и искренней, я не могла ей не поверить.

Наверное, верила сразу. Она права, я ведь не ждала с жадностью и подозрением рассказа о том, что связывает их с Танияром. Не о них думала, но тень прошлого закрыла взор, помешав увидеть очевидное. А значит, в моей жизни был кто-то неверный, кого окружали соблазны, раз уж застарелая муть поднялась со дна и отравляла мне радость настоящего. Но тогда я вовсе не хочу вспоминать об этом человеке. Пусть остается в забвении, там ему место. Не дай Белый Дух терзать себя и своего супруга чужими грехами, примеряя их на него и наше окружение.

А потом послышались шаги, едва слышные и знакомые до сердечного трепета. Оторвавшись друг от друга, мы с Эчиль обернулись к двери. Тот, о ком мы говорили, появился на пороге и вопросительно приподнял брови.

– Пойду погляжу, как там мои девочки, – сказала наша гостья и направилась к выходу, но обернулась, подмигнула мне и вышла, едва Танияр посторонился, пропуская ее.

– О чем говорили? – спросил каан, как только мы остались одни.

– Готовим смуту, – ответила я. – Мы скоро захватим

власть в тагане и объявим женщин венцом творения. Будем сидеть на подушках красивые и гордые, а мужчинам оставим мыть полы, стирать и готовить.

– Что будет с кааном? – любопытствовал мой супруг.

– А с кааном всё хорошо, он будет подносить нам сладости.

– Всем?

– Вот еще, – фыркнула я. – С чего это? Только мне.

– Ты сказала – нам, – справедливо заметил Танияр, и я ответила:

– Разумеется, нам. Нам, Ашити Великолепной, как иначе?

– Иначе никак, – деловито покивал каан. – Моя Ашити такая, великолепная. – И со смешком притянул меня к себе. – Ты – свет моей души.

– А ты моя сладость, – улыбнулась я.

– И я себя донес, – хмыкнул супруг. – Только лакомиться будешь ночью, а сейчас идем встречать гостей, они уже недалеко.

– Покоряюсь, – склонила я голову. – Гости важней сладостей.

– Об этом мы еще поспорим, – многообещающе заверил меня каан.

– Если, конечно, найдешь аргументы.

– Найду, – усмехнулся супруг и, поцеловав меня, развернул к двери. – Еще как найду.

– Но ночью? – уточнила я, и он кивнул:

– Да.

А вскоре мы покинули подворье и направились к воротам Ирэтэгена. Сегодня верные саулы скучали в ашрузе, никто и не думал выводить их для встречи дорогих гостей, потому что кийрамы были пешие. В этом племени верховую езду не воспринимали принципиально, как и любое ограничение животных и принуждение к действию, угодному человеку.

Зверя можно выследить и убить, если терзает голод. Но насилие над его волей недопустимо. Такова была философия, однако нам как дикарям с благородным снисхождением простили наши заблуждения. Тем более с саулом не поспоришь. Если уж он выбрал себе всадника, то отказать ему – настоящее преступление и истинное насилие над его чувствами.

Что до прочих домашних животных, то Улбах выразился так:

– Они давно променяли вольную жизнь на хозяйскую руку. Глупыми бывают даже звери.

Так что тут мы оказались и не виноваты вовсе. Мгизы, турымы и прочие одомашненные животные сами дураки, а потому пусть и живут как хотят. Кийрамам до них дела нет. К этому выводу мы пришли в день нашей первой встречи, пока каан и вожак беседовали, и преград на пути дружбы стало меньше.

Но в любом случае мы не могли унижить наших гостей,

явившись верхом к пешим. Это вынудило бы их смотреть на нас снизу вверх, а это могло породить обиду. И потому, оставив саулов в ашрузе, мы вышли навстречу гостям, как только ягир, приставленный следить за кийрамами, примчался с докладом, что вожак и его сопровождение уже близко.

Близко! В этот день я узнала, насколько по-разному может толковаться это понятие. И если я поначалу бодро шагала рядом с мужем, обмениваясь с ним шутками и подначками, то спустя продолжительное время мое благодущие начало таять. Танияр был по-прежнему полон сил, как и пятеро ягиров, сопровождавших нас. Он продолжал шутить со мной, только я отвечала всё реже и всё более односложно, пока окончательно не замолчала и не покривилась, утирая со лба выступивший пот.

– Устала? – спросил каан.

– Немного, – соврала я, усталость была весьма ощутимой. – Когда мы должны встретиться с ними? Мне кажется, уже скоро будет граница.

– До границы далеко, – ответил Танияр. – А до кийрамов близко. Уже скоро.

– Почему надо встречать их на половине пути? – мое раздражение все-таки прорвалось наружу.

– Потому что мы оказываем им свое уважение, – сказал мой супруг, что я и так прекрасно знала. – Желанного гостя встречают далеко от дома, так мы показываем, как сильно его ждали и как мы его ценим.

– Если бы еще Улбах знал об этом, – проворчала я.

– Он узнает, – усмехнулся Танияр, – чтобы понял, как мы к нему относимся. – А после подхватил меня на руки: – Так уже легче?

– Мне – да, – не стала я скромничать. – А тебе тяжелей.

– Не-а, – улыбка каана стала шире. – Я несу венец творения. Он рук не оттягивает.

– Если с этой позиции... то, конечно, – согласилась я и потрепала его за щеку: – Медок ты мой сладенький. – Супруг весело рассмеялся.

А еще спустя немного времени, когда я почувствовала себя лучше, впереди показались десять человек. Восемь бритоголовых мужчин и две женщины – кийрамы. Рассудив, что на фоне кийрамок буду выглядеть слабой неженкой, я покинула руки каана и вернулась на земную твердь.

– Я бы нашел что сказать, – приобняв меня за талию, шепнул Танияр.

– Нет уж, – ответила я. – Сильная так сильная.

– Ты не сильная, ты упрямая, – поправил меня супруг с улыбкой.

– В упрямстве тоже есть сила, – отмахнулась я, и спор прекратился, потому что наши гости подошли совсем близко.

Глава 6

День постепенно клонился к вечеру. И хоть гости были давно уже сыты, стол по-прежнему ломился от угощений. Кийрамы, вновь подтвердив такую же склонность к любопытству, какая была характерна для всех народов, перепробовали всё, что увидели. Морщились, что-то фыркали, ворча о выдумках тагайни, но уплетали за обе щеки.

Впрочем, обо всем по порядку. Встреча двух народов вышла скупой и безэмоциональной. В ней не было ничего витиеватого и показательного. Никто не кланялся, руки друг другу не пожимали. Если первое было закономерно, так как дело мы имели с кийрамами и поклон толковался как признание превосходства, то второе было попросту не принято. Потому, обменявшись краткими словами приветствия, мы все вместе направились обратно к Иртэгену. И уже в дороге началась беседа, не несшая в себе никакого особого смысла или подтекста. Мужчины говорили о лесе, об охоте, о зверье. Вспоминали нашу первую встречу, посмеивались. Я, Дайкари, пришедшая с мужем, и третья женщина, оказавшаяся женой Кхыла – младшего брата вожака (он тоже пришел), так вот, мы поначалу молча слушали, но когда Танияр обратился ко мне, пригласив в беседу, заговорили и кийрамки.

Правда, часть обратной дороги я опять проделала на руках своего мужа. Он не спрашивал меня, нужна ли помощь,

просто поднял на руки и понес, устав смотреть на то, как потихоньку кривлюсь из-за усталости. И самое забавное, что Улбах тут же поднял на руки Дайкари, пришедшую с ним.

– Твоя жена – пух, Танияр, – сказал кийрам. – Я бы мог донести свою женщину от нашего дома.

Быстро переглянувшись с кааном, мы спрятали усмешки – вожак решил, что это ответное испытание, и принял «вызов», который ему никто не бросал.

– Я бы пронес мою Ашити отсюда и до высоких гор, – легко включился в бахвальство Танияр.

– А я бы с Дайкари прошел через горы, – ответил Улбах, и каан уважительно покачал головой, не забыв польстить кийраму:

– В тебе сила племени.

– Верно, – самодовольно кивнул кийрам, и я больше не спорила с мужем. Теперь нести меня было делом чести.

А когда мы вошли в ворота, иртэгенцы застыли там, где их застал момент нашего появления, с открытыми ртами. Нет, они знали, что каан ездил к кийрамам и что разрешил охотиться на наших землях. Кто-то воспринимал эту новость как сплетню, кто-то плевался, а кто-то просто пожимал плечами. Все мы дети Белого Духа, а каан знает, что делает. В общем, однозначного мнения не было.

И вот десять чужаков вошли в самое сердце Зеленых земель. Нет, гневных выкриков не было, никто не потрясал кулаками и не посылал в спины вчерашних недругов прокля-

тия. Было молчаливое изумление и любопытство. Люди еще не пришли к окончательному выводу, как относиться к данному визиту, а вот рассмотреть кийрамов, о которых знали все, но видели единицы, хотелось. И рассматривали.

Вот тут стоит отметить разницу между двумя народами, жившими бок о бок, но, по большому счету, в изоляции друг от друга. Если кийрамы смотрели на нас в мрачноватом молчании и взгляды их были пристальными и суровыми, то тагайни, несмотря на оторопь, не забывали кланяться каану. А вскоре начали перешептываться, и, глядя на них, я могла бы в точности воспроизвести диалог, даже не прислушиваясь. Хватало просто выражения лиц.

– Кто это?

– Кийрамы вроде.

– Да ну-у... И вправду кийрамы?

– Выходит, так.

А потом и вовсе кто-то крикнул:

– Милости Отца, каан, никак гостей ведешь?

– И тебе Его милости, – ответил Танияр. – Друзей веду.

– А чего кааншу несешь? – спросил другой иртэгенец. –

Здорова ль наша Ашити?

– Здорова, – ответила я. – Милости Белого Духа тебе.

– И тебе, каанша, – склонил голову мужчина и тут же вновь обратился к Танияру: – А чего несешь жену, каан?

– Чтоб поговорить было о чем, – усмехнулся мой муж. – Не взял бы жену на руки, тебе спросить было бы не о чем.

– А-а, – протянул иртэгенец. – А я думал, может, случилось чего.

– Ничего не случилось, всё хорошо, – ответил ему Танияр и закончил расспросы кратким: – Потом говорить станем.

После этого вопросов уже не было, слова каана означали одно – он будет говорить с людьми. И вот за что я безмерно уважала любимых детей Белого Духа, так это за то, что умели ждать. Теперь, когда они знали, что их соберут на поляне и Танияр будет держать речь, уже никому не придет в голову громко возмущаться и спорить, пока не выслушают всё, что им хотят сказать. И тогда начнут задавать вопросы, но до той поры каждый займется своим делом, не терзая себя домыслами и надуманными пересудами.

Так что до подворья мы дошли хоть и под прицелом любопытных взглядов, но уже никто не кричал и не искал ответов на вопросы, полнившие головы. А на подворье нас встречали наши женщины. Выстелив дорогу от ворот до двери дома вытканными узором половиками, они склонили головы перед кааном и его гостями – им этот жест не возбранялся, а после Эчиль завела приветственную песню. И я, как хозяйка, повела гостей осматривать дом, а заодно знакомила их с нашими законами гостеприимства.

Наблюдать за кийрамами было интересно. Они впервые оказались в доме тагайни, да еще и не в простом доме, а на большом подворье. Впрочем, им бы и в сарае было на что посмотреть, потому что устройство было иным во всем, хоть

и имело общую основу – стены и крышу. Хотя даже крыши у наших домов были иными, а потому вожаку и его людям было на что посмотреть.

И они смотрели, трогали, принюхивались, а что-то даже попробовали на зуб. Я не мешала: желание гостя – закон. Кийрамы качали головами, усмехались, иногда с пренебрежением, и говорили:

– Что только не выдумают тагайни?

Однако я не ощущала обиды, потому что видела – это показное. Наши гости не могли уронить своего достоинства, вдруг начав нахваливать то, что их заинтересовало или просто им понравилось. Как так? Они почитали тагайни дикарями, изнеженными и слабыми, и вдруг признают, что у соседей есть занимательные вещицы, которые могут прийтись по душе и подопечным Хайнудара? Нет, невозможно! Не так быстро. Сначала нужно было выдержать характер, а уж потом...

И я оказалась права. Поначалу скупое и как одолжение, а после и более уверенно кийрамы признавали некоторое удобство нашего быта, пользу каких-то вещей и вкусную еду, но это было позже. А пока они продолжали держать лицо и с интересом исследовали место, куда и не думали однажды попасть, тем более как желанные гости и друзья.

Закончив осмотр дома и пристроек, куда можно было войти, не покидая жилища, мы наконец вновь вышли на улицу. И первое, что слышали, так это грозное:

– Р-р-р, – коим удостоил Мейтт самого Улбаха.

– Рырх?! – изумился вожак. – Это же детеныш рырха!

Присев на корточки, я потрепала своего любимца и защитника, а после улыбнулась:

– Его зовут Мейтт. А там Бойл, – указала я на второго рырха, с подозрением наблюдавшего за гостями. – А где-то бродит Торн. Скорей всего, мы увидим ее рядом с Танияром. Она единственная предпочитает каана, а мальчики больше дружны со мной. Вот так вот разделились симпатии... Я хотела сказать, малыши сделали такой выбор.

– Зачем вы принесли рырхов? – посуровел Улбах.

Если «глупые» домашние животные его не интересовали, а против саула не пойдешь – не загрызет, так затопчет за своего всадника, то рырхи были уже иным делом. Хищники, обитавшие на воле, не могли оказаться в доме человека.

– Их мать, раненная в схватке с другим зверем, вышла ко мне и попросила позаботиться о своих детях, – пояснила я. – Вскоре после этого она умерла, а я исполняю данное самке обещание. Оставить малышей в лесу мы не могли, иначе они могли погибнуть, и потому привезли сюда.

– Хм... – Улбах почесал макушку. – Рырха сама пришла?

– Сама, – кивнула я в ответ. – Сильно испугала, я даже не сразу заметила, что она ранена. Взяла меня зубами за руку и к детенышам потянула. А когда я попыталась ей сказать, что не могу привести их в Ирэтэген, она завывала, чтобы слышали другие люди, и убежала. А вскоре умерла. А мне вот

они остались, – вновь улыбнувшись, я приподняла Мейтта и прижала его к груди. – Славные малыши.

– Видать, приглянулась ей Ашити, – произнес Кхыл. – Редко такое бывает, чтобы рырхи детенышей человеку доверяли. А может, сам Хайнудар надоумил?

Я с интересом посмотрела на него и, выпустив из рук млеющего Мейтта, распрямилась.

– Что это может значить? – спросила я.

– Да кто ж помыслы духов знает? – пожал плечами Кхыл. – Но раз самка сама отдала, а ты приняла, значит, таково желание Хайнудара.

– Если не станешь им матерью, подрастут, покажут, кто сильней, – сказал Улбах. – Против матери не пойдут. Рырхи к ней привязаны. Кто обидит, на того всем выводком кинутся. С вожаком спорить могут, с матерью никогда, пока она рядом. Сначала мать за детей рвать станет, потом дети за мать.

– Расскажи, – попросила я.

– Расскажу, – кивнул вожак.

– Всеу свое время, – послышался голос Танияра, и мы перевели на него взгляды. Торн, как я и думала, семенила за кааном, время от времени задирая голову вверх, чтобы взглянуть на приглянувшегося ей человека. – Сначала гостей угостить надо, а там и говорить станем. Дорога была долгой, время отдохнуть. Идемте.

Так мы и оказались за столом. Стол, накрытый на улице, был роскошен. Даже я еще не видела некоторые блюда, сто-

явшие на нем. Кухня тагайни была поистине изысканной и вкусной. Даже простые блюда, приправленные их соусами, превращались в кулинарный шедевр восхитительного вкуса. И как когда-то на празднике лета, Танияр негромко подсказывал мне, что и с чем лучше есть. Разумеется, гостям мы тоже подсказывали.

За стол с нами сели Эчиль и Ихсэн, а еще несколько ягиров, включая моих телохранителей. Признаться, я уже больше воспринимала их как своих друзей, которые оберегают меня, чем как свою охрану. Но кроме яств, гостей и приглашенных земляков, демонстрировавших кийрамам наши обычаи, присутствовало тут и еще одно новшество – палочки. Их начала вводить в обиход я.

Они были заострены с одного конца и служили заменой вилке. Подумав, я решила, что не стану навязывать моим новым соотечественникам знакомые мне столовые приборы, тем более вводить ввевшийся мне в кровь столовый этикет, который помнила, кажется, до мельчайшего нюанса. Вместо этого придумала такую вот палочку, которой можно было придержать, к примеру, кусок мяса, чтобы разрезать его, а после, наколов на заостренный конец, отправить в рот.

Мне подумалось, что стоит дать цивилизации развиваться самостоятельно. Вот я придумала палочку, а кто-то однажды добавит к ней зубчики для большего удобства, и тогда в Белый мир придут вилки. Танияр пожал плечами. Ему было привычно есть, как ели все тагайни, но и против вилки он

ничего не имел, оценив удобство и чистоту рук. Однако возражать против моей точки зрения не стал. Даже нашел мою мысль забавной и разумной. С палочкой каан освоился быстро, и она стала нашим верным помощником во время трапез.

Использовала теперь такую палочку и Эчилъ, и как-то ужинавшая с ней Мейлик, тоже разжилась новым столовым прибором. И в доме Ихсэн их было теперь немало. А последние палочки, появившиеся в нашем доме, даже имели верхнюю резную часть, их сделал на досуге для нас с кааном Юглус. Ягиры, кстати, тоже легко и быстро переняли новшество. А затем и те, кто общался с первопроходцами, если можно так выразиться.

И даже название у нашей прародительницы будущей вилки имелось, данное с легкой руки старшей дочери Эчилъ, – шамкаль, то есть шпилька – это будет более точным переводом. Так вот, шамкаль стремительно распространялась по Иртэгену, превращаясь из популярного новшества в обыденную и удобную повседневность. И кийрамам она, кажется, пришлась по душе, потому что наловчились с ней управляться они быстро и использовали, не кривясь и не фыркая. Ну, разве только разок, когда взяли шамкаль в руки в первый раз.

А потом, когда голод был утолен, наконец начались разговоры. Нет, они были и во время еды, но теперь, когда гости сосредоточились на Ихсэн, которая принесла свой калдарын и играла на нем, развлекая кийрамов и ягиров, главы двух народов завели беседу. Я поглядывала на тех, кто предался

увеселениям, но слушала мужчин, их диалог был мне интереснее.

– А вот скажи мне, Танияр, а если кийрамы будут ставить дома на твоей земле? Тоже разрешишь? – прищурился Улбах.

– Разрешу, – ответил мой муж. – Только кийрамы должны знать, если дом на Зеленых землях, то уже не ты их вожак, а я их каан. Моя земля – мои законы.

– Кийрамы не станут тебя слушать, – с усмешкой отмахнулся вожак.

– Тогда мне придется прогнать их с моих земель, – сказал Танияр. – Рассуди сам, Улбах. Если мои люди придут в твой лес, поставят дома и станут вести себя как в тагане, что ты сделаешь?

– Как скажу, так и будет, или худо им придется! – ударив по столу кулаком, рявкнул вожак.

– Вот и я о том же. На Зеленых землях я главный, и закон здесь мой. Я готов принять любой народ, кроме илгизитов...

– Тьфу, – согласно сплюнул Улбах.

– Но под свою волю и власть, – продолжил каан.

– А говоришь – друзья, – снова прищурился вожак.

– Друзья, – кивнул Танияр. – Друзья помогут друг другу, руку протянут, на клич придут. Вам для охоты мало места, я сказал: «Приходите, в моих лесах зверья много». Если у тебя зимой еды будет мало, я принесу. Если стрелы острые нужны – поделюсь. Если мне помощь будет нужна, ты разве

не протянешь руку?

– Протяну, – кивнул вожак.

– Но если кийрам будет вести себя не как гость и друг в моем тагане, то я буду злиться. А ты бы не злился?

– Злился.

– И тогда мне придется наказать кийрама, если он обидит моих людей.

– А если твои люди обидают кийрама?

– Тогда я накажу своих людей. А ты бы как поступил?

– Если друзья, то так же, – подумав, ответил Улбах. – Только скажи мне, Танияр. Вот ты и оружием поможешь, и едой, и охотиться разрешил, а от нас-то чего в ответ хочешь? Шкур у вас своих много, еды вон, – он кивнул на стол, – на всех кийрамов хватит, у нас такого нет. Чего же от нас ждешь, если больше нашего имеешь?

Я перевела взгляд на супруга.

– Мира, – ответил каан. – А если война, то помощи. Я говорил тебе, что в Каменном лесу может водиться погань похуже мерзких тварей из топи. И если они там, то однажды выйдут под свет солнца. И тогда никому из нас не устоять поодиночке. Если тебе кто грозить начнет, то я рядом с тобой встану. Плечом к плечу, как брат за брата буду драться. И от тебя прошу того же.

– Зачем нам биться за тагайни? – спросил Улбах.

– И нам за кийрамов незачем, – сказал каан. – Только я хочу дружить, а ты старое поминаешь. Нехорошо. Все мы

дети Белого Духа, всех нас выносила Илсым. Вот и выходит, кийрам, тагайни, пагчи – все мы родня от одних Отца и Матери. А ты говоришь – зачем.

– Хорошие слова, Танияр, мне на душу ложатся, – ответил вожак. – Я буду думать.

Думать... Думать, конечно, хорошо, это полезное занятие. Однако о чем тут размышлять, если тебе предлагают прямую выгоду? Зеленые земли ничего не получают, кроме военной помощи, хоть и готовы делиться всем, что имеют. Да любой здравомыслящий и практичный человек ухватится за такое щедрое предложение, когда тебе всё, а от тебя только поддержка в войне, которая может и случится, но не в наше время. А кийрамам надо еще думать...

Впрочем, я попросту ворчу. Разумеется, сложно переломить вьевшееся в кровь восприятие соседа-недруга и распахнуть ему объятия. Да и Танияр говорил сразу, что кийрамы будут долго приглядываться, прежде чем протянут руку навстречу. И все-таки, когда твоя душа открыта, начинаешь исподволь ожидать того же и от того, к кому ты расположен. Но, в конце концов, это мы, а не кийрамы заговорили о дружбе. Они всё еще живут недоверием, и надо просто набраться терпения, а Белый Дух нам поможет.

– Улбах, ты обещал рассказать о рырхах, – с улыбкой напомнила я, когда мужчины замолчали.

Я не вошла в важное обсуждение, оно как раз подошло к концу, а ответ вожака был важен не только мне как опекунке

маленьких рырхов, но и нашему делу. А как иначе, если это был повод показать, что мнение соседа имеет неоспоримую ценность и мы воздаем должное его знаниям.

Улбах перевел взгляд на меня, затем поглядел на Торн, дремавшую на коленях каана, и произнес:

– Я расскажу. – И мы с мужем преисполнились внимания. – Рырхи живут в стаях, но в стаи собираются только взрослые звери. Стая – это сила. В ней никогда не увидишь больных, старых и детенышей. Рырхи избавляются от обузы. Если старый зверь хочет пожить подольше, он, понимая, что стал слаб, уходит из стаи и живет один. Но если попадется сородичам, они его задерут. И больных тоже. А самок не трогают, но на детенышей напасть могут.

– Какой ужас, – охнула я, прижав к губам кончики пальцев.

Танияр остался спокоен, скорее всего, он это прекрасно знал, но не желал пугать и расстраивать меня, потому молчал в ожидании кийрамов. А может, и не всё это было известно моему каану, в любом случае он просто кивнул, то ли подтверждая слова вожака, то ли принимая к сведению. А Улбах пожал плечами:

– Им надо выживать. Зимой слабые будут мешать стае. О них надо заботиться, защищать, делиться пищей, а ее и так немного. Не избавятся летом – сожрут зимой. К лету дичи становится больше, и своих рырхи уже не поедают. Больного задерут и оставят.

Я передернула плечами, однако тут же пришло воспоминание. То самое, когда три рырха, затаившиеся под снегом, кинулись на меня. Тогда Танияр спас меня, а тело убитого вожака кинул двум его сородичам, и те, забыв о людях, вонзили зубы в плоть собрата. Ужас, ужас и еще раз ужас! А потом я вновь поглядела на супруга и утвердилась в своей догадке, что о наших питомцах он знает много больше, чем рассказал мне.

– Гон у многих животных наступает еще в конце зимы, – тем временем продолжал свой рассказ кийрам. – Молодняк рождается с приходом весны, чтобы до следующей зимы они успели вырасти, окрепнуть и научиться выживать. Весной звери еще голодные и злые, поэтому самки не станут подвергать приплод опасности стать кормом их отцу или другому сородичу. Они уходят из стаи, чтобы родить и вырастить детенышей.

Самцы будут обходить логово самки, охотиться на нее не станут, но если она попадется им ослабленной, то детенышей могут сожрать. Поэтому самки, когда приходит время рожать, забираются туда, куда их стая не заходит, делают себе логово, охотятся до самых родов, делают запасы на первое время, пока земля еще холодная. Но с голоду могут и падаль есть. После того как появятся детеныши, мать их надолго не оставляет и рвать будет каждого, кто приблизится. Когда маленькие рырхи немного подрастут, тогда она уже не будет нападать на каждого, кто подойдет к ее логову.

Самки осторожны. Лучше спрячутся с детенышами, чем выдадут себя. Но если поймут, что приплоду угрожают, нападут и будут биться. Мать сдыхать будет, а не отступит. Та самка тоже, значит, дралась до последнего, раз детеныши остались живы.

– И не только дралась, – произнес Танияр. – Держалась, пока не нашла, кому отдать своих детей.

– Бедняжка, – вздохнула я сочувственно.

– Ты, Ашити, должна стать им матерью, а ты, Танияр, – кийрам нацелил палец на каана, – одним из рырхов в стае. И для нее, – теперь он указал на Торн. – Не бери ее, не гладь, отгоняй, ругай, когда лезет. Если будешь ласкать, она потом с Ашити будет драться как с соперницей. Или сразу шею сверни, или оттолкни, иначе потом всё равно убьешь, чтобы жену защитить. Рырха не отступится.

– Рырхи мать не обидят, – напомнил каан.

– Ты ей мать, – ответил Улбах. – Сейчас мать. Начнет зреть, самца может учуять, тогда к весне на Ашити нападет.

В этом был смысл. Танияр уделил девочке внимание почти сразу. Он взял ее на руки и нес от места, куда рырха привела меня, потом вез на Тэйле, и она потянулась к каану. С Бойлом было иначе. Юглус забрал его у меня ближе к нашей стоянке, и хоть и вез, но на подворье появлялся не каждый день, а мой муж тут жил и возился с Торн чаще, чем с остальными. Мальчиками занималась я.

– Ашити с ними бывает чаще, – обратившись к кийраму,

возразил моим мыслям Танияр.

– Ты сильный, Ашити тебя слушается, – ответил Улбах. – Для нее, – он указал на Торн, – твоя жена тоже детеныш. Она должна ощутить силу матери и ее защиту.

– И что же нам делать? – спросила я, глядя с жалостью на Торн.

Улбах не ответил. Он встал на ноги и вдруг грубо схватил малышку за шкурку. Поднял на уровень глаз и встряхнул.

– Дурной рырх, – гаркнул вожак. – Совсем глупый!

– Ул... – начал Танияр, но кийрам рявкнул:

– Молчи, беловолосый! – И снова встряхнул взвизгнувшую Торн.

– Да что же ты делаешь! – вскочив с места, возмущенно воскликнула я.

– Я обижаю вашего рырха, – осклабился Улбах.

Танияр перестал обращать на него внимание. Он взял стакан с буртаном, отхлебнул и произнес:

– Спой, Эчиль.

Вожак опустил рырху на землю, завалил на спину и дернул за лапу. Уже поняв смысл происходящего, я сурово свела брови и стремительно направилась к мучителю маленьких рырхов. Мейтт, дремавший у моих ног, подскочил и поспешил следом, засеменял за ним и Бойл. Они остановились за мной, не вылезая вперед, но и не прячась, кажется, уверенные в том, что рядом со мной безопасно.

– Хватит издеваться над моим детенышем, – сердито ска-

зала я и оттолкнула кийрама.

Толкнула слабо, но он отшатнулся так, будто его откинул в сторону Танияр, а не я. Даже прикрылся руками, сделав вид, что боится. Похоже, у кийрамов актерский талант был хорошо развит, у всех поголовно. Уперев руки в бока, я велела:

– Не смей приближаться к моим рыхам, кийрам!

Торн, наконец обретя свободу, поспешила к каану. Она ткнулась ему в ноги, запищала, но он остался равнодушен к жалобам и страданиям своей любимицы, даже головы не опустил. Напротив, поднялся на ноги и, обойдя детеныша, подошел к Улбаху, а я присела перед страдающей рырхой и погладила ее.

– Бедная моя девочка, – проворковала я. – Обидели, испугали. – А после подняла на руки и вернулась на свое место.

Мейтт и Бойл, оценив, насколько мы сильнее какого-то там вожака, задержались и еще некоторое время сверлили Улбаха пристальными взглядами. Затем Мейтт зарычал и, посчитав, что хорошо запугал кийрама, вернулся ко мне. Бойл, наблюдавший за сценой возмездия, тоже высказался – рывкнул – и пришел к нам. Семья воссоединилась. Только наш большой самец так и остался в стороне. И когда вернулся, даже на меня не смотрел.

Торн снова запищала. Она задергалась, пытаясь вывернуться из моих рук, а когда я вновь отловила ее при попытке сбежать к Танияру, зарычала и цапнула за руку.

– Накажи, – велел Улбах, наблюдавший за нами. – Прямо

сейчас. Тряхни ее. Пусть станет больно. Накажи!

И поджав губы, я схватила рырху за ухо и трягнула ее. Вышло и вправду сильно, потому что она взвизгнула.

– Ох, – охнула я, но кийрам был начеку:

– Не жалей. Сейчас нельзя. Тряхни еще раз и верни на место. Она должна понять, что у тебя есть сила. Тряхни.

Страдая от жалости к бедному детенышу, я повторила наказание. После вернула Торн к братьям, положила рядом с ними и с деланой суровостью потрясла пальцем у нее перед носом:

– Нельзя, – припечатала я упрямыцу и села.

Я честно старалась выдержать характер, но попискивание у моих ног рвало сердце. Не удержавшись, я склонилась, намереваясь погладить несчастную малышку, но Улбах вновь остановил меня:

– Нет.

– Но она же плачет, – возразила я.

– Как мать сказала, так и будет, – ответил кийрам. – Лучше погладь других рырхов, они заслужили. Особенно тот, который рычал.

– Мейтт, – подсказала я и потрепала детеныша. Затем погладила Бойла и, пойдя наперекор Улбаху, тронула Торн. Рырха зарычала.

– Накажи! – рявкнул вожак. – Сильно накажи!

Однако меня опередили. Мейтт, подскочив на лапы, навалился на сестру и вцепился ей в холку. Торн взвизгнула. Она

растянулась на брюхе и продолжала повизгивать, пока брат трепал ее.

– Не лезь, – усмехнувшись, произнес Улбах. – Вот вожак и определился. Твой первый помощник, погладь. А эту, – кийрам посуровел, – не трогай. Пусть полежит и подумает.

И пока он говорил это, Бойл хватанул сестру за заднюю лапу и, усевшись рядом, поднял на меня взгляд, словно спрашивая: «Я тоже молодец?» Будь они людьми, я бы отругала обоих мальчишек за то, что побили сестру, но мои детеныши оставались хищниками, и пришлось похвалить обоих. Все-таки они защищали меня, особенно Мейтт, в который раз подтвердив, что имена я распределила верно. Он должен был стать главным, иначе быть не могло. В этом я была уверена.

– Расскажи еще, – попросила я, и Улбах с готовностью продолжил свой рассказ.

Танияр снова подсел к нам, готовый слушать, но к нему подошел ягир, стоявший на страже у ворот. Он склонился к уху каана, что-то прошептал, и лицо моего супруга на миг помрачнело. Я накрыла его руку ладонью и устремила на супруга вопросительный взгляд. Он улыбнулся в ответ и велел:

– Пусть войдут.

– Кто там? – спросила я, и Улбах с интересом посмотрел на каана.

– Люди Елгана, – ответил Танияр и усмехнулся: – Никак Илгиз их направил.

Я тихо охнула, и теперь супруг пожал мою руку:

– Всё к лучшему, Ашити, – сказал он и поднялся из-за стола навстречу незваным гостям.

Танияр скрылся за углом дома, и пока разглядеть, кто к нам пришел, не представлялось возможным. По правилам хорошего тона тагайни жена не должна была выходить к гостям вместе с мужем. Могла, но это было необязательно, и я осталась сидеть с Улбахом. Во-первых, не хотелось оставлять кийрамов, а во-вторых, обострять ситуацию с первых минут. Глаза-то у меня цвет не изменили, а уж что там молва донесла до соседнего тагана, нам было неизвестно. Как и причина визита послов Елгана. О свадьбе каана Зеленых земель там уже должны были услышать.

– Туор! – воскликнул мой муж. Его голос лучился искренней радостью, будто и не он еще минуту назад поминал Илгиза. – Мой добрый друг! Как же я рад видеть тебя в моем доме!

Не зная я о том, насколько посольство было не ко времени и неприятно каану, то решила бы, что Танияр и вправду счастлив видеть новых гостей в своем доме. Впрочем, прятать настоящие чувства он умел хорошо, это мне было известно. Только обычно он скрывал свою веселую, жизнерадостную натуру под маской суровой невозмутимости, а сейчас всё было с точностью до наоборот.

– Танияр! – отозвался незнакомый мужской голос, лучась ответной радостью. Но уже меньше чем через минуту, в течение которой мужчины должны были обменяться привет-

ственным пожатием плеч друг друга, что заменяло полноценные объятия и рукопожатие, посол произнес с почтительностью: – Каан. Наконец-то ты занял свое законное место. Елган велел сказать тебе, как рад, что челык покрыл голову достойнейшего из сыновей Вазама.

– На всё воля Белого Духа, – ответил Танияр. – Пройдите и разделите мой стол и кров с моими гостями. Вы успели ко времени.

– Прими сначала дары, каан, – остановил его посланец Елгана.

– Благодарю Елгана за дары, – ответил мой муж. – Но что может быть дороже, чем дорогой гость? Идемте за стол, а дарам еще придет время.

Я прекрасно понимала, отчего Танияр говорит это. Послы не видели тех, кто сидел за нашим столом, и вряд ли примут с радостью, что им предлагают оказаться рядом с кийрамами. Впрочем, поводов негодовать у них должно быть немало, а потому каан не спешил принять подарки соседа. И послы покорились.

Их было четверо. Такие же, как и все тагайни, беловолосые и голубоглазые, но пониже ростом и коренастее жителей Зеленых земель. Мужчины казались настоящими крепышами. Одеты они тоже были привычно, разве что в одежде преобладал зеленый цвет да орнамент заметно отличался. Оружия при них, разумеется, не было, как и плащей, под которыми мог спрятаться клинок. Они приехали как друзья.

Уже опытным взглядом я определила, что первым идет человек знатный, хоть в Белом мире еще и не было строгого разделения на знать и простолюдинов. Аристократия еще только формировалась. Это сословие выделялось более богатыми закромами, что позволяло нанять прислужников, а еще приближенностью к правящему главе тагана или родством с ним. И о том, что человек занимает высокое по местным меркам положение, как раз и говорил орнамент. А иных различий не было.

Народ кланялся только каану и алдару, с остальными же держались на равных. И легко можно было услышать, как жена важного человека и торговка с курзыма самозабвенно ругаются из-за расхождения взглядов на цену, качество товара или просто ради удовольствия – повод для склоки найти несложно, особенно на курзыме. Впрочем, если знатная особа заслужила уважение, о ней отзывались с почтением, но не жалели яда для того, кто вызвал неприязнь.

Тот, кто шел впереди делегации от Елгана, занимал высокое положение, но, какое именно, я пока не знала. Он мог быть братом каана, советником, просто добрым другом, но точно не алдаром – воинского знака на незнакомце не было. Да и те трое мужчин, которые шли за ним, тоже не являлись воинами. Оставалось набраться терпения и дожидаться, когда Танияр нас познакомит.

Кийрамы повернули головы на звук шагов. Эчилъ замолчала, ее пристальный взгляд устремился на послов, и толь-

ко Ихсэн продолжала наигрывать, развлекая гостей. Теперь я поднялась на ноги, а следом за мной встали и мои рырхи, даже вредина Торн.

– Милости Отца вам, – приветствовала я наших новых гостей, и Танияр, подойдя ко мне, приобнял за талию.

– Присядьте с нами, – произнес каан. – Отдохните и поешьте с дороги. Места всем хватит.

Послы не двинулись с места. Они переводили взгляды с меня на порывкивающих рырхов, затем на кийрамов, на Эчиль и снова Танияра. Почти каждый за нашим столом вызывал у посланцев Елгана изумление и оторопь. Каан вопросительно приподнял брови:

– Отчего медлишь, Туор? Садись, здесь собрались хорошие друзья.

Спутники Туора переглянулись в растерянности, но по-прежнему остались стоять, ожидая, что скажет их предводитель.

– Эчиль, Ихсэн, – позвал Танияр.

Ихсэн отложила калдарын, и они с Эчиль споро взялись за дело – готовили место для послов. Я подняла взгляд на мужа, но он только крепче прижал меня к себе, так дав понять, что мне не надо помогать женщинам, хотя это не противоречило устоям. Даже наоборот. Это я должна была если и не сама, то хотя бы дать указание прислуге, то есть Сурхэм, но не каанше и вышивальщице, которые были такими же гостями, как и все остальные. Но у Танияра были свои сооб-

ражения, и потому я просто осталась рядом, не вмешиваясь в ход событий.

– Что же вы стоите, Туор? – любопытствовал каан. – Ашити, проводи наших гостей.

Вот теперь он отпустил меня, и я направилась к чужим тагайни, а следом за мной засеменяли рырхи, все трое. Взгляд Туора на миг впился мне в лицо, а затем опустился к земле.

– Это рырхи, – сказал посол.

– Рырхи, – ответила я с легким поклоном. А затем повела рукой: – Окажи милость, уважаемый Туор, вкуси нашей пищи, испей буртана. Отец велит почитать гостя, так уж не откажи, позволь позаботиться о тебе и тех, кто пришел с тобой.

– Добрые речи, каанша, – буркнул посол. Значит, о свадьбе все-таки знали. Хорошо, одним вопросом меньше. Даже двумя. На мои глаза они смотрели, но спрашивать про пагчи не стали, выходит, и это для них не новость.

Взяв его за руку, я повела мужчину к столу, а следом за ним двинулись и его спутники. И вскоре они уже сидели на подготовленных местах. Эчиль и Ихсэн поставили на стол оставшиеся еще не тронутые блюда, положили перед тарелками шамкали, и послы воззрились на них с недоумением.

– Что это? – спросил Туор.

– Это шамкаль, – пояснила я. Взяла у него палочку, нож и, положив на его тарелку кусок мяса, показала, как пользоваться нашим нововведением. Буртан разливать было еще рано, сначала гости должны были утолить голод. Поэтому я

вернула шамкаль Туору, и отошла к мужу.

Рырхи, сидевшие рядом, пока я ухаживала за гостями, снова пристроились за мной и уселись, как только я вернулась на свое место.

– Туор, Икчин, Юхус, Турче, – произнес Танияр, так представив новоприбывших. – Улбах – вожак кийрамов, Кхыл – его брат и помощник, Дайкари...

Далее шло перечисление кийрамов, во время которого гости не сводили друг с друга пристальных взглядов. И те и другие не спешили проявлять дружелюбие. Улбах и его люди были настороженны, а вот послы Елгана явно из всех сил крепились, чтобы не высказаться. У них была своя цель, и ради нее они старались умерить высокомерие тагайни в отношении подопечных Хайнудара.

Когда представление закончилось, Ихсэн поднесла миску с водой, чтобы гости омыли руки. Эчиль подала им вышитый ручник, чтобы они могли вытереться после. Туор бросил на нее взгляд.

– Неужто каанша в прислужницы пошла? – спросил посол. – Это ведь Эчиль, верно, дочь Налыка?

– Эчиль, – ответил Танияр. – Только ошибся ты, Туор, здесь нет прислужников. Подруга Ашити вам руки омыла, моя сестра их обтерла.

– А жена что же? – спросил посол.

– А жена тебя со мной встретила, милости Отца пожелала да с почтением за стол усадила. Чем недоволен, Туор?

– Всем доволен, – ответил тот. – Только...

– Поешьте с дороги, – прервал его каан. – Коли гость в доме, то его прежде обласкать нужно, а после уж о делах говорить. Отдохните, а мы вас порадуем. Сыграй, Ихсэн.

Моя подруга послушно взялась за калдарын, но пока, кроме музыки, ничего не нарушало тишины. Посланцы все-таки принялись за еду, и только один из них, поколебавшись, взял в руки шамкаль. Попробовав ей пользоваться, как я указала, мужчина, носивший имя Турче, что-то хмыкнул себе под нос и уже не откладывал полезную палочку. Остальные предпочли есть как привыкли, но это уже было их личным делом.

– У тебя в доме рырхи, Танияр, – первым нарушил молчание тот, кого каан назвал Икчином. – Разве место рырху в поселении?

– Это детеныши Ашити, – ответил мой муж. – Рырха перед смертью отдала ей своих детей, теперь моя жена заботится о них.

– Рырха не приручить, – сказал Юхус. – Они сожрут кого-нибудь, а твоя жена будет в ответе, раз принесла их в Иртэген.

– Рырхов не надо приручать, – заговорил Улбах. – Надо жить по их законам, тогда станут слушать.

Взгляды четырех послов сошлись на вожаке, Туор и Юхус нахмурились, но сдержались. Икчин никак своего недовольствия не показал, а Турче, насытившись, и вовсе развернулся к Ихсэн, которая продолжала играть на калдарыне. А

когда Эчиль разлила буртан по стаканам, взял его и негромко заговорил с кааншей. Я прислушалась, однако Турче просто спрашивал, как живется жене Архама. И если быть откровенной, этот тагайни начинал мне нравится. Он был моложе остальных и казался скорее дополнением, чем поддержкой посольству.

– Что происходит в вашем тагане? – спросил каан, нарушив вновь воцарившееся молчание. – Здоров ли Елган?

Туор перевел взгляд на Танияра, чуть склонил голову и ответил:

– Наш каан здоров и полон сил. Однако он опечален твоим промедлением. Ты обещал вернуться, а всё не едешь.

– Пока забот много. Не могу оставить таган, – с улыбкой ответил мой муж. – Но скажи Елгану, что я ему по-прежнему друг. Нам, как верным детям нашего Отца, ругаться нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.